

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

РИК РИОРДАН

ИСПЫТАНИЯ

АПОЛЛОНА

ТАЙНЫЙ ОРАКУЛ

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан

Тайный оракул

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Тайный оракул / Р. Риордан — «Эксмо», 2017 — (Вселенная
Перси Джексона)

ISBN 978-5-699-91122-6

Как наказать бога? Легко! Превратить его в смертного и отнять божественную силу! После того как Аполлон разгневал своего отца Зевса, его свергли с Олимпа. Беспомощный, слабый, он оказался в Нью-Йорке в теле обыкновенного подростка. Лишенный всех сил, он должен не просто выжить в современном городе, но и выполнить волю грозного отца. Аполлону предстоит служить весьма необычной девочке по имени Мэг, которая, к слову сказать, отлично владеет мечами. Вот только за четыре тысячи лет бог солнца нажил себе немало врагов, и они спят и видят, как бы покуситься за старые обиды. И миссия Аполлона становится практически невыполнимой. Не говоря уже о том, что древнее зло, о котором все успели забыть, кажется, проснулось... Знакомьтесь с богом-зазнайкой Аполлоном и встречайте любимых героев: Перси Джексона, Лео Вальдеса, Нико ди Анджело, кентавра Хирона и других. Потому что ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ! Старые друзья – новые приключения!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-91122-6

© Риордан Р., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

1	7
2	10
3	15
4	20
5	25
6	30
7	34
8	37
9	42
10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Рик Риордан
Испытания Аполлона
Книга 1. Тайный оракул

Rick Riordan
THE TRIALS OF APOLLO. THE HIDDEN ORACLE

Copyright © 2016 by Rick Riordan
Cover art © John Rocco
All rights reserved

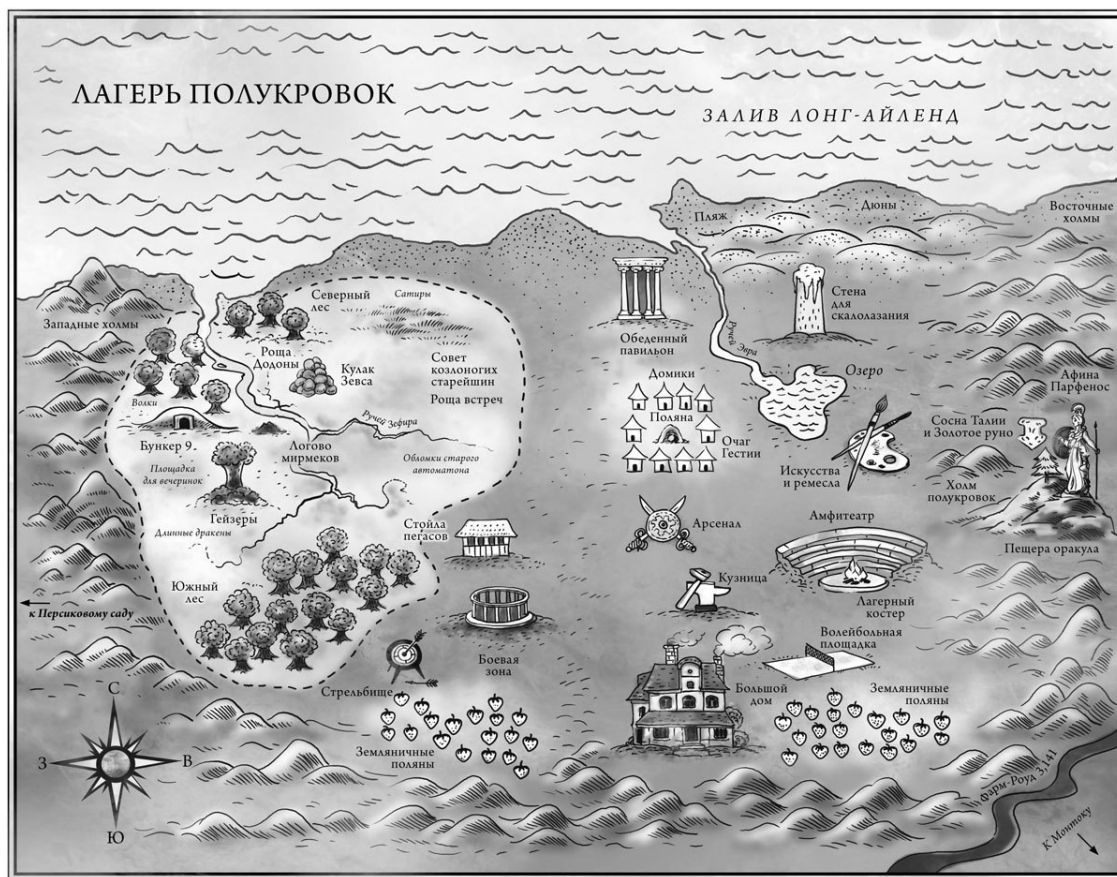

Серия «Испытания Аполлона»

© Самуйлов С. Н., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Музе Каллиопе.
За промедление, пожалуйста, не казни.*

1

*По лицу меня молотят хулиганы
Я поразил бы их, если бы смог
Смертные бьют*

Меня зовут Аполлон. Когда-то я был богом.

За четыре тысячи шестьсот двенадцать прожитых лет я много чего совершил. Наслал мор на греков, осаждавших Трою. Благословил Бейба Рута тремя хоумранами в четвертой игре Мировой серии 1926 года. В 2007-м обратил свой гнев на Бритни Спирс во время церемонии вручения наград Эм-ти-ви.

Но никогда за всю свою бессмертную жизнь мне не случилось падать в мусорный бак.

Я даже не знаю точно, как именно это случилось.

Проснулся – падаю. Вертелись, то появляясь, то исчезая из виду, небоскребы. Тело пылало пламенем. Я пытался лететь. Пытался обратиться в облако, телепортироваться или сделать что-то еще, повернуть хотя бы один из сотни трюков, всегда удававшихся без особого труда, но ничего не получалось. Я продолжал падать. Нырнул в узкий каньон между двумя зданиями и... БУМ!

Есть ли что-нибудь печальнее звука, с которым бог грохается в кучу мусорных мешков!

Лежал. Стонал. Весь несчастный и разбитый. В нос била вонь от протухшей колбасы и использованных подгузников. Ребра болели, будто сломанные, хотя такое и невозможно.

В голове полная сумятица, но одно воспоминание пробивалось наверх – голос моего отца, Зевса: **ТЫ ПРОВИНИЛСЯ. ТВОЕ НАКАЗАНИЕ.**

Я вспомнил, что случилось, и всхлипнул от отчаяния. Даже мне, богу поэзии, трудно описать свои чувства. А способен ли понять их ты, простой смертный? Представь, что тебя раздели догола, а потом обдали струей из пожарного крана на глазах глумливой толпы. Представь, как нос и легкие заливают ледяная вода, как бьет она по коже, оставляя синяки, как толчет в месиво суставы. Представь себя беззащитным, опозоренным, совершенно уязвимым, выставленным на всеобщее посмешище и безжалостно лишенным всего, что делает тебя тобой. Мое унижение было еще хуже.

«ТЫ ПРОВИНИЛСЯ», – гремел у меня в голове голос Зевса.

– Нет! – жалобно возопил я. – Нет, не надо! Пожалуйста!

Никто не ответил. По обе стороны от меня по кирпичным стенам зигзагом бегут вверх ржавые пожарные лестницы. Вверху – зимнее небо, серое и неумолимое.

Я пытался вспомнить подробности приговора. Упомянул ли отец, сколь долгим будет наказание? Что требовалось от меня, чтобы вернуть его расположение?

Память туманилась. Я едва помнил, как выглядит Зевс, не говоря уже о том, почему он решил сбросить меня на Землю. Вроде бы была война с гигантами. Богов застали врасплох и едва не разгромили.

Одно я знал наверняка: меня наказали несправедливо. Зевсу надо было выставить кого-то виновным, и он, разумеется, выбрал самого красивого, самого талантливого, самого популярного бога в пантеоне.

Я лежал в мусорном баке, глядя на наклейку на внутренней стороне крышки: **ДЛЯ ЗАБОРА МУСОРА ПОЗВОНИТЕ 1-555-ВОНЮЧКЕ.** Зевс передумает, сказал я себе. Он всего лишь пытается припугнуть. Сейчас, вот сейчас, сию минуту он выдернет меня на Олимп и отпустит на все четыре стороны со строгим предупреждением.

– Да... – Мой голос прозвучал глухо и уныло. – Да, вот так.

Попытался пошевелиться. Хотел подняться, чтобы встретить Зевса стоя, когда он явится с извинениями. В ребрах тупо застучала боль. Свело живот. Я ухватился за край бака, с усилием, кое-как, подтянулся и, перевалившись, грохнулся на асфальт. В плече хрустнуло.

– Ууурррррхххх, – прохрипел я сквозь зубы и боль. – Вставай. Поднимайся.

Подняться оказалось нелегко. Голова закружилась так, что поплыло перед глазами. Я стоял в каком-то тупике. Единственный выход, футах в пятидесяти, вел к улице с грязными фасадами залоговой конторы и ломбарда. Похоже, меня занесло на западную сторону Манхэттена или в район Краун-Хайтс в Бруклине. Должно быть, Зевс разозлился не на шутку.

Я осмотрел свое новое тело. Подросток. Белый. На ногах – кеды. Джинсы и рубашка-поло. Какая гадость. Я чувствовал себя человеком, смертным – короче, паршиво.

И как только люди терпят такое – не понимаю. Провести всю жизнь в мешке плоти, не иметь возможности наслаждаться самыми простыми удовольствиями – обратиться, например, в колибри или раствориться в чистейшем солнечном свете.

И вот теперь, да помогут мне небеса, я стал одним из вас – еще одним мешком плоти.

Я порылся в карманах штанов – а вдруг там завалялись ключи от солнечной колесницы. Не повезло. Вся добыча – дешевый нейлоновый кошелек с сотней долларов в американских деньгах, которых едва хватило бы на легкий ланч в мой первый день человеческой жизни, и юношеские водительские права штата Нью-Йорк с фотографией туповатого курчавого парнишки. Звали парнишку, который мог быть и не мной, Лестер Пападопулос. Воистину, жестокость Зевса не знает границ!

Я заглянул в мусорный бак с надеждой обнаружить там свалившиеся вместе со мной лук, колчан со стрелами и лиру. В крайнем случае меня устроила бы и губная гармошка. Увы, ничего.

Я вздохнул. *Бодришь! Какие-то из божественных способностей наверняка сохранились. Могло быть и хуже.*

– Эй, Кейд, взгляни-ка на этого лузера, – произнес дребезжащий голос.

Выход из переулочка блокировали два молодых человека: коренастый платиновый блондин и высокий рыжий. На обоих толстовки необъятного размера и мешковатые штаны. На шее у каждого – татуировки с изображением змей. Чего им недоставало, так это надписи на лбу большими буквами – Я ОТМОРОЗОК.

Рыжий сразу нацелился на кошелек у меня в руке.

– Повежливей, Майки. Парень вполне дружелюбный. – Он ухмыльнулся и достал из-за пояса охотничий нож. – И даже хочет отдать нам все свои денежки.

В том, что произошло потом, виновата моя дезориентация.

Я знал, что лишен бессмертия, но все равно воспринимал себя как могучего Аполлона! Изменить образ мыслей не так-то просто – это вам не в снежного барса превратиться.

К тому же прежде, когда Зевс наказывал меня превращением в смертного (да, такое случилось дважды), я все же сохранял физическую силу и кое-какие божественные способности. Вот и решил, что и теперь могу на что-то рассчитывать.

Отдавать двум юным смертным негодям бумажник Лестера Пападопулоса в мои намерения никак не входило.

Я выпрямился, рассчитывая устроить Кейда и Майки своей величественной статью и несравненной красотой. (О чем бы ни свидетельствовала фотография на водительских правах, уж эти-то качества наверняка должны были остаться при мне.) И, не обращая внимания на стекающую по шее теплую жижу из мусорного бака, заявил:

– Я – Аполлон. Выбирайте, смертные, одно из трех: выплатить мне дань, бежать или погибнуть.

Я хотел, чтобы мои слова прокатились эхом по переулку, повергли в прах башни Нью-Йорка и обрушили ливень на его тлеющие руины. Но ничего такого не произошло. На слове «погибнуть» мой голос дрогнул и сорвался на писк.

Рыжий Кейд ухмыльнулся еще шире. Было бы забавно оживить змей на его шее и посмотреть, как они задушат его до смерти.

– Что думаешь, Майки? – обратился он к приятелю. – Выплатим парню дань?

Майки нахмурился. Жесткие короткие волосы, маленькие злобные глазки и кряжистая фигура напомнили мне чудовищную свинью, терроризировавшую в добрые старые времена деревушку Кроммион.

– Ну, насчет дани не согласен. – Голос у него был такой, словно он жевал зажженные сигареты. – А какие там другие варианты?

– Бежать?

– Не.

– Погибнуть?

– Может, ему самому погибнуть? – фыркнул Майки.

Кейд подбросил нож и поймал его за рукоятку.

– С этим я жить смогу. Давай, ты первый.

Я сунул кошелек в задний карман. Сжал кулаки. Сделать из них мясные вафли? Не то чтобы это мне нравилось, но если придется... Даже в своем нынешнем, незавидном состоянии я был неизмеримо сильнее любого смертного.

– Предупреждаю, вы даже не представляете, с кем имеете дело. Сила моя вне вашего разума.

Майки похрустел костяшками пальцев.

– Угу.

Он ринулся вперед.

И как только оказался в пределах досягаемости, я нанес удар, вложив в него весь свой гнев. От такого удара хулиган должен был испариться, оставив после себя лишь отпечаток на асфальте.

Вместо этого он уклонился, что совсем мне не понравилось.

Я пошатнулся и, увлекаемый вперед силой инерции, едва не оступился. Должен сказать, когда Прометей мастерил вас, смертных, из глины, сработал он халтурно. Ноги у людей неуклюжие. Я попытался устоять за счет бездонного ресурса ловкости и быстроты, но Майки пнул меня ногой пониже спины. И я шлепнулся. Божественным ликом на землю.

Ноздри раздулись, как воздушные мешки. В ушах грохнуло. Рот наполнил запах меди. Я перевернулся со стоном на спину и обнаружил над собой две расплывающиеся бандитские рожи.

– Майки, ты уразумел теперь, в чем сила этого парня? – спросил Кейд.

– Дурачье! – прохрипел я. – Я вас изничтожу!

– Кто б сомневался. – Кейд убрал нож. – Но сначала мы на тебе потопчемся.

Кейд поднял ногу, и мир померк в моих глазах.

2

*Девочка из ниоткуда
Ко всем прочим неловкостям
Тупые бананы*

Так меня не топтали со времен гитарного состязания с Чаком Бери в 1957-м.

Я лежал, скорчившись, стараясь защитить ребра и голову, а Кейд и Майки пинали меня и топтали. Боль была нестерпимая. Меня тошнило и трясло. Я терял сознание и приходил в себя, и перед глазами плыли красные пятна. Устав, мои обидчики огрели меня мусорным мешком по голове. Мешок порвался, и все содержимое – кофейная жижа и гнилые фруктовые очистки – оказалось на мне.

Запахавшись и отдуваясь, они наконец отступили. Бесцеремонные руки прошлись по карманам и забрали кошелек.

– Глянь-ка, – сказал Кейд. – Деньжата и карточка... Лестер Пападопулос.

– Лестер? – хохотнул Майки. – Аполлон и то получше будет.

Я потрогал нос, размерами и текстурой напоминавший водяной матрас, а когда опустил руку, увидел на пальцах красное.

– Кровь? Но такого же быть не может.

– Еще как может, Лестер. – Кейд присел рядом на корточки. – А в ближайшем будущем ее может стать еще больше. Не хочешь объяснить, почему у тебя нет кредитки? Или телефона? Я же не за сотню баксов тут выплясывал.

Я смотрел на испачканные кровью пальцы и не верил своим глазам. Я – бог. У меня нет крови. И даже когда меня превращали в смертного раньше, в моих венах все равно струился золотой ихор. Прежде со мной так не обращались. Должно быть, какая-то ошибка. Трюк.

Я попытался сесть.

Угодил рукой в банановую кожуру, поскользнулся и снова растянулся. Мои обидчики взвыли от восторга.

– А он мне нравится! – сказал Майки.

– Да, но босс сказал, что у него будет чего взять, – пожаловался Кейд.

– Босс... – пробормотал я. – Босс?

– Верно, Лестер. – Кейд щелкнул меня по макушке. – Босс так и сказал: «Идите в тот переулок. Добыча будет легкая». Сказал, чтоб помяли тебя немножко да почистили карманы. Но этого, – он помахал бумажками у меня под носом, – за работу мало.

Я ощутил трепет надежды.

Если этих головорезов послали сюда, чтобы найти меня, их «босс» должен быть богом. Никто из смертных не мог знать, в каком именно месте на Земле я окажусь. Может быть, Кейд и Майки тоже не простые люди, а ловко замаскированные чудовища или духи. Это, по крайней мере, объясняло бы, почему они так легко меня одолели.

– Кто... кто ваш босс? – Я кое-как поднялся. Мусор посыпался с плеч. Из-за головокружения ощущение было такое, будто летишь слишком близко к испарениям первобытного Хаоса, но принять унижительность своего положения я не мог. – Вас послал Зевс? Или, может, Арес? Требую аудиенции!

Майки и Кейд переглянулись, словно спрашивая друг друга, а можно ли мне доверять?

Кейд снова достал нож.

– Ты, Лестер, и впрямь намеков не понимаешь?

Майки снял пояс – велосипедную цепь – и обмотал им кулак.

Ладно, решил я, пусть они устояли перед моими кулаками, но ни один смертный не устоит перед моим золотым голосом. Уж им-то я приведу их к послушанию. Оставалось только выбрать между «Ты послал меня» и оригинальной композицией «Я твой бог поэзии, детка», но тут...

– Эй!

Хулиганы обернулись на голос. Над нами, на площадке второго этажа пожарной лестницы, стояла девочка лет двенадцати.

– Отстаньте от него, – строго потребовала она.

В первый момент я подумал, что на помощь мне пришла моя сестра, Артемида.

По причинам, не вполне понятным, она частенько являлась в образе двенадцатилетней девчонки. Но тут же что-то подсказало, что нет, это не Артемида.

Дело в том, что девочка на пожарной лестнице не внушала страха.

Маленькая, пухлая, с темными волосами, не слишком аккуратно постриженными в стиле «паж», и в темных очках «кошачий глаз», украшенных в уголках стразами. Пальто, несмотря на холод, на ней не было. Наряд ее выглядел так, словно его подбирала воспитательница в детском саду, – красные кеды, желтые колготки и зеленое платье на бретельках. Возможно, она собиралась на костюмированный бал в образе светофора.

И все же... в выражении ее лица было что-то грозное.

Тот же упрямый, хмурый взгляд, что я видел у моей старой подруги Кирены, когда она выходила сражаться со львами.

Впрочем, на Майки и Кейда ее появление впечатления не произвело.

– Исчезни, малявка, – отозвался Майки.

Девочка топнула ногой, отчего пожарная лестница задрожала.

– Переулок мой! И правила тут мои!

Повелительный, чуть простуженный голос звучал так, словно она распекала за попытку ловчить товарища по детской игре.

– Все, что есть у этого лузера, принадлежит мне, включая его деньги!

– Почему все называют меня лузером? – жалобно спросил я, посчитав, что, пусть даже побитый и осыпанный мусором, такого эпитета не заслуживаю. Впрочем, слова мои остались без внимания.

Кейд сердито зыркнул на девчонку, и огонь в его волосах как будто перекинулся на физиономию.

– Шутить со мной будешь? А ну кыш, ты, мелочь пузатая! – Подобрал гнилое яблоко, он запустил им в девочку.

Та и бровью не повела. Яблоко упало на площадку и подкатилось к ее ногам.

– Хочешь поиграть? – Она вытерла нос. – Ладно.

Я не увидел, как девчушка поддала яблоко ногой, но оно вернулось к бросавшему и с убийственной точностью поразило Кейда в нос. От неожиданности юный хулиган хлопнулся на задницу.

Майки, пробормотав что-то угрожающее, решительно шагнул в сторону лестницы, но банановая шкурка как будто сама скользнула ему под ногу.

– УУУУУ! – взвыл он, шмякнувшись на асфальт.

Я отступил от двух сраженных негодяев. Бежать? Но я едва мог ковылять да и не горел желанием стать мишенью для тухлых фруктов.

Девчонка перелезла через перила, с удивительной ловкостью прыгнула на землю и схватила лежавший в мусорном баке мешок.

– Стой! – крикнул Кейд, уползая от нее наподобие краба. – Давай договоримся!

Майки со стоном перевернулся на спину.

Девочка надула губы. Они у нее были обветренные и потрескавшиеся. В уголках рта темнел легкий пушок.

– Вы, ребята, мне не нравитесь. Уходите.

– Да! Конечно! – заверещал Кейд и потянулся за разлетевшимися по кофейной гуще деньгами. – Вот только...

Девчонка метнула мешок, и тот, описывая в воздухе дугу, взорвался, изрыгнув кучу сгнивших бананов, которая и рухнула на Кейда, придавив его к земле. Майки тоже досталось – облепленный с ног до головы банановыми шкурками, он выглядел так, словно подвергся нападению плотоядных морских звезд.

– Убирайтесь из моего переулка, – сказала девчонка. – Живо.

В мусорном ящике захлопало, словно там взрывались зернышки воздушной кукурузы, и на Кейда с Майки обрушился фонтан заплесневелой редиски, картофельных очисток и прочего компоста. По чудесной случайности, меня это все даже не задело. С удивительным после полученной трепки проворством оба злодея вскочили и с воплями умчались прочь.

Я повернулся к моей крохе-спасительнице. Иметь дело с опасными женщинами мне случилось не раз. Моей сестре, к примеру, ничего не стоит наслать дождь смертоносных стрел. Моя мачеха, Гера, регулярно доводит смертных до такого безумства, что те готовы изрубить друг друга на кусочки. Но эта малолетняя метательница мусорных мешков почему-то вызвала беспокойство и тревогу.

– Спасибо, – несмело поблагодарил я.

Она скрестила руки на груди. На средних пальцах блеснули парные золотые колечки с полумесяцем. Темные глаза мерцали, как у вороны. (Я потому прибегаю к такому сравнению, что сам этих птиц и изобрел.)

– Не благодари. Ты все еще в моем переулке.

Девчонка обошла меня по кругу, рассматривая придирчиво, будто призывую корову. (Здесь я тоже знаю, о чем говорю, потому как и сам бывало коллекционировал призовых коров.)

– Так ты – бог Аполлон?

Никакого благоговейного страха или почтения в ее голосе не прозвучало. Да и сам факт появления бога среди смертных, похоже, несколько ее не поразил.

– А ты слышала?

Она кивнула.

– На бога ты не похож.

– Не в самой лучшей форме, – согласился я. – Мой отец, Зевс, изгнал меня с Олимпа. А ты кто?

От нее пахло яблочным пирогом, что не вполне соответствовало ее внешности – выглядела она полной замухрышкой. С одной стороны, мне так и хотелось взять свежее полотенце, вытереть ей рожицу и дать денег, чтоб купила себе чего-нибудь горяченького.

С другой же, возникало желание взять в руки стул – на случай, если бы она вздумала меня укусить. Бедняжка напоминала тех несчастных и заблудших, о которых так любила заботиться моя сестра: собак, пантер, бездомных дев, дракончиков.

– Меня зовут Мэг.

– Уменьшительное от Мегары? Или Маргарет?

– От Маргарет. Только никогда так меня не называй.

– Ты – полубогиня, Мэг?

Она сдвинула кверху очки.

– А почему ты так думаешь?

И опять-таки вопрос ничуть ее не удивил. Похоже, слово «полубогиня» ей уже приходилось слышать раньше.

– Ну, ты определенно обладаешь некоторой силой. Бананокинез? Или ты умеешь управлять мусором? Знавал я одну римскую богиню – ее звали Клоацина, – управлявшую городской системой канализации и отхожих мест. Может быть, ты имеешь к ней какое-то отношение?

Мэг снова надула губы. Уж не обидел ли я ее чем-то? Хотя чем? Ничего такого не сказал.

– Наверно, я просто заберу твои деньги, – изрекла Мэг. – Давай, двигай отсюда.

– Нет, подожди! – Вопреки желанию в мой голос вкралось отчаяние. – Пожалуйста... Я... Мне может понадобиться помощь.

Смешно, конечно. Я, бог пророчества, эпидемий, стрельбы из лука, исцеления, музыки и кой-чего еще – всего сразу и не вспомнить, – прошу помощи у какой-то уличной оборванки. Но что делать? Больше обратиться было не к кому. Если это дитя вздумало забрать мои деньги и вышвырнуть в жестокий мир холодных зимних улиц, я вряд ли смог бы ей помешать.

– Положим, я тебе верю... – нараспев, словно намереваясь объявить правила игры, в которой она была бы принцессой, а мне отводилась роль посудомойки, произнесла Мэг. – Положим, соглашусь тебе помочь. И что тогда?

Хороший вопрос.

– Мы... Мы на Манхэттене?

– Мм-хмм. – Она крутанулась на месте и изобразила удар ногой с разворота.

– Адская Кухня¹.

Нехорошо, что ребенок произносит такие слова. Адская Кухня. С другой стороны, что хорошего в том, что ребенок живет в тупичке и ведет мусорные бои с уличными задирами.

Не отправиться ли к Эмпайр-стейт-билдинг, этому современному переходу на гору Олимп? Вот только сомнительно, что охрана позволит подняться на секретный шестисотый этаж. С Зевсом так легко не получится.

Может, стоит поискать старого друга, кентавра Хирона. У него был учебный лагерь на Лонг-Айленде. Он бы помог – приютил, дал совет. Но такое путешествие чревато опасностями. Беззащитный бог – лакомая добыча. Любой попавшийся по пути монстр с удовольствием меня распотрошит. Да и завистливые духи и мелкие боги представившейся возможностью воспользуются с радостью. А есть еще загадочный «босс», о котором говорили Кейд и Майки. Кто он такой и есть ли у него другие миньоны, которых он мог бы натравить на меня, об этом я ничего не знал.

И даже доберись я до Лонг-Айленда, обнаружить лагерь Хирона в замаскированной магическим способом долине будет непросто, учитывая, что у меня теперь глаза обычного смертного. Следовательно, чтобы попасть туда, мне потребуется проводник, кто-то опытный и знакомый с...

– Есть идея, – сказал я, выпрямляясь, насколько это позволяли увечья. Не так-то просто придать себе уверенный вид, когда у тебя разбит нос и с тебя осыпается засохшая кофейная жижа. – Я знаю кое-кого, кто может помочь. Живет в Верхнем Ист-Сайде. Отведешь меня к нему, и я тебя вознагражу.

Мэг издала странный звук – то ли чихнула, то ли фыркнула.

– Вознаградишь чем? – Она принялась скакать вокруг, выбирая из мусора разлетевшиеся двадцатки. – Я и так заберу все твои деньги.

– Эй!

Девчонка бросила мне кошелек – пустой, если не считать водительских прав Лестера Пападопулоса – и пропела:

– Твои денежки мои, твои денежки мои.

Мне стоило сил сдержаться.

¹ Hell's Kitchen – район Манхэттена.

– Послушай, дитя, я не всегда буду смертным. Рано или поздно я снова стану богом и тогда вознагражу всех, кто мне помогал, и покараю всех, кто отказал в помощи.

– Откуда ты знаешь, что случится? – Мэг остановилась и, подбоченясь, посмотрела на меня. – Ты уже и раньше бывал смертным?

– Вообще-то да. Дважды! И оба раза наказание длилось каких-то жалких несколько лет – в худшем случае!

– Неужели? И как же ты снова становился божским или как там?

– Нет такого слова, *божский*, – указал я, тем не менее уже прикидывая, как можно использовать его в поэтических упражнениях. – Обычно Зевс требует, чтобы я отработал рабом у какого-нибудь знатного полубога. Вроде того парня, о котором я упомянул. Вот был бы идеал! Несколько лет я выполняю задания моего нового хозяина, и, если веду себя прилично, мне позволяют вернуться на Олимп. Сейчас я должен прежде всего восстановить свои силы и решить...

– Откуда ты знаешь, какому полубогу?

Я недоуменно моргнул.

– Что?

– Какому полубогу тебе назначено служить, дурень?

– Я... э... Ну, обычно все бывает ясно. Я просто наталкиваюсь на них. Поэтому я и хочу побыстрее попасть в Верхний Ист-Сайд. Мой новый хозяин востребует мои услуги и...

– Я – Мэг Маккаффри! – Мэг высунула язык и издала неприличный звук. – И служить ты будешь мне!

В вышине, в сером небе ударил гром, и эхо раскатилось по городским каньонам божественным смехом.

Остатки моей гордости стекли ледяной струйкой в носки.

– Сам вляпался, да?

– Точно! – Мэг запрыгала в своих красных кедах. – Будем веселиться!

Слезы навернулись на глаза, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не расплакаться.

– Ты точно не замаскированная Артемида?

– Я – та, другая, – пробормотала Мэг, пересчитывая деньги. – Как ты там сказал... полубогиня.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, вот и все. – Она самодовольно улыбнулась. – И теперь у меня есть бог-другбан по имени Лестер!

Я обратил взор к небесам:

– Пожалуйста, Отец, я все понял. Пожалуйста, я так не могу!

Зевс не ответил. Возможно, записывал свидетельство моего унижения, чтобы поделиться им в Снэпчате.

– Выше нос, – сказала Мэг. – Кто тот парень, которого ты хотел увидеть? Тот, в Верхнем Ист-Сайде?

– Тоже полубог. Он знает, как попасть в лагерь, где я найду кров, помощь, пищу...

– Пищу? – Мэг моментально наострила уши. – И там можно хорошо подзаправиться?

– Ну, я обычно ем амброзию, но, да, думаю, можно.

– Тогда вот мой первый приказ! Мы найдем этого парня, и пусть он отведет нас в лагерь!

Я обреченно вздохнул. Похоже, служба меня ждала долгая.

– Как пожелаешь. Давай найдем Перси Джексона.

3

*Был бог божеский
Теперь бродяга босоножеский
Тьфу, хайку ж не рифмуется*

Мы тащились по Мэдисон-авеню, и в голове у меня кружились одни и те же вопросы. Почему Зевс не дал мне зимнее пальто? Почему Перси Джексон живет так далеко от центра города? Почему пешеходы постоянно на меня таращатся?

Может, это мое божественное сияние возвращается?

Может быть, ньюйоркцы поражены моей очевидной силой и божественной красотой?

Ответ на последние вопросы дала Мэг:

– От тебя воняет. И выглядишь ты так, будто тебя отмутузили.

– Так оно и есть – меня отмутузили. А еще я попал в рабство к ребенку.

– Это не рабство. – Она откусила краешек ногтя большого пальца, пожевала и сплюнула. –

Скорее взаимное сотрудничество.

– Взаимное в том смысле, что ты отдаешь распоряжения, а мне приходится сотрудничать?

– Угу. – Мэг остановилась перед витриной. – Видишь, какой ты грязнуля?

Из витрины на меня уставилось мое собственное отражение. Нет, не мое! Не может быть! На меня смотрело то же лицо, что было в удостоверении Лестера Пападопулоса.

На вид лет шестнадцать. Волосы средней длины, темные и курчавые – я сам пробивал этот стиль во времена Древних Афин, а потом снова в 1970-е. Глаза – голубые. Лицо довольно приятное, хотя и глуповатое, но его портил распухший, цвета баклажана нос с жуткими уси-ками из растекшейся над верхней губой и застывшей полоской крови. Что еще хуже, на щеках высыпала какая-то сыпь, подозрительно похожая на... Сердце подпрыгнуло к горлу.

– О ужас! – воскликнул я. – Это... это – угри?

У бессмертных богов не бывает угрей. Это одно из наших неотъемлемых прав. Однако же, наклонившись ближе, я обнаружил, что моя кожа представляет собой рубцеватый пейзаж с прыщами и пустулами.

Сжав кулаки, я вознес свою скорбь жестокому небу:

– Чем, Зевс, я заслужил такое? Что сотворил?

Мэг потянула меня за рукав:

– Идем, пока тебя не арестовали.

– Какая разница! Меня превратили в подростка да еще и с проблемной кожей! Бьюсь об заклад, у меня нет даже...

Холодея от страха, я подтянул рубашку. Живот покрывал разноцветный узор из синяков, полученных при падении в мусорный бак и от пинков Кейда и Майки. Но это еще не все – у меня появились жировые складки.

– О нет! Нет, нет, нет. – Я отшатнулся от витрины, надеясь, что жирок не последует за мной и останется там. – Где мои кубики? У меня всегда были кубики. У меня никогда и ничего с боков не свисало. Никогда за четыре тысячи лет!

Мэг снова фыркнула:

– Да хватит тебе, плакса. Все в порядке.

– Я – толстый!

– Ты – обычный. У обычных людей никаких кубиков нет. Идем.

Я хотел возразить – мол, никакой я не *обычный* и не *люди*, – но промолчал, с отчаянием осознав, что определение подходит мне идеально.

По другую сторону витрины возникла мрачная физиономия охранника, и я отдался во власть Мэг, позволив ей увлечь меня за собой по улице.

Беззаботно пританцовывая, она время от времени останавливалась – поднять с тротуара монетку или покружиться под уличным фонарем. Ни холод, ни поджидавшие нас опасности, ни свалившееся на меня несчастье в виде угрей ее, похоже, нисколько не трогали.

– Как ты можешь оставаться такой спокойной? – не выдержал я. – Ты – полубогиня, идешь с богом в лагерь, тебя ждет встреча с тебе подобными, и тебя это совсем не удивляет?

Девчонка сложила бумажный самолетик из моей двадцатки.

– Вообще-то я много странного да чудного видела.

Меня так и подмывало спросить, что же может быть чуднее сегодняшнего утра, но потом я решил не рисковать – а вдруг откровение окажется слишком шокирующим.

– Откуда ты?

– Я же говорила. Из переулка.

– Нет, не то. Кто твои родители? Семья? Друзья?

По ее лицу прошла легкая рябь, как будто мой вопрос поставил ее в затруднительное положение. Она снова принялась вертеть самолетик.

– Не важно.

Люди для меня – открытая книга, и я уже понял, что моя спутница что-то скрывает. Впрочем, у полубогов это обычное дело. Для детей, благословенных бессмертным родителем, они как-то странно чувствительны в том, что касается их происхождения и родословной.

– И ты никогда не слышала о Лагере полукровок? Или о Лагере Юпитера?

– Не-а. – Мэг потрогала нос самолетика кончиком пальца. – Далеко еще до дома Перри?

– Перси. Точно не знаю. Несколько кварталов... наверно.

Мэг мой ответ, похоже, устроил. Она поскакала дальше, бросая и поднимая самолетик, и чуть ли не кувырком прокатилась через перекресток на Восточной семьдесят второй улице. Я даже забеспокоился, как бы водители, сбитые с толку «светофорным» нарядом, не переехали ее случайно.

К счастью, в Нью-Йорке те, кто за рулем, уже привыкли объезжать рассеянных пешеходов.

Я решил, что Мэг, должно быть, одичалый полубог. Встречаются они редко, но диковинкой их не назовешь. Не имея соцподдержки, не обнаруженная другими полубогами и не пройдя должной подготовки, девочка все же ухитрилась выжить. Но, конечно, удача не вечна. К тринадцати годам, когда у героев начинает проявляться истинная сила, многие погибают от охотящихся на них монстров. Так что Мэг осталось немного. И попасть в Лагерь полукровок ей нужно так же, как и мне. Девчонке повезло, что мы встретились.

(Знаю, последнее заявление выглядит лишним. Каждый, кто встретил меня, уже может считать себя счастливчиком, но вы понимаете, что я имею в виду в данном случае.)

Будь я собой, всезнающим и всемогущим, я бы разузнал о ней все. Я бы заглянул в ее душу, выяснил, что нужно, о ее божественном родителе, ее способностях и силе, мотивах и секретах.

Но сейчас я был все равно что слеп. И о том, что Мэг – полубогиня, я мог судить только лишь по тому, как уверенно востребовала она мои услуги. В конце концов, ее права подтвердил ударом грома сам Зевс. Обязательство свалилось на меня, словно саван из туго сплетенных банановых шкурок. Кем бы ни была Мэг Маккаффри, как бы ни отыскиала меня, наши судьбы отныне переплелись.

И это смущало меня не меньше чем угри.

Мы свернули на восток, на Восемьдесят вторую улицу.

Ближе ко Второй авеню потянулись знакомые кварталы – выстроившиеся рядами жилые здания, хозяйственные и универсальные магазины, индийские ресторанички. Я знал, что Перси

Джексон живет где-то здесь, но разъезжая по небу в солнечной колеснице, привык ориентироваться по Гуглу. Навыка местонахождения на уличном уровне я так и не приобрел.

К тому же в обличье смертного и моя безукоризненная память перестала быть таковою. Мысли мои одолевали страхи и потребности, свойственные людям. Мне хотелось есть. Мне нужно было сходить в туалет. Все мое тело болело. Одежда воняла. И в голову как будто натолкали мокрой ваты. Сказать по правде, не понимаю, как вы, смертные, вообще все это терпите?

Мы миновали еще несколько кварталов, когда пошел дождь со снегом. Мэг попыталась ловить осадки языком. Я же счел совершенно неэффективным такой способ напиться. Да еще и грязной водой.

Поеживаясь от холода, я сосредоточился на мыслях куда более приятных: Багамы, Девять Муз в идеальной гармонии, страшные наказания, которым я подвергну Кейда и Майки, когда снова стану богом. Кто же все-таки их босс и как он узнал, в каком именно месте я упаду на землю? Никакой смертный предвидеть это не мог. Мало того, чем больше я размышлял на сей счет, тем больше укреплялся в мысли, что даже и бог предсказать будущее с такой точностью не способен. Кроме меня, разумеется. Как-никак я ведь был богом пророчества, владыкой Дельфийского оракула, дистрибьютором – уже на протяжении тысячелетий – высококачественных нарезок будущего.

Конечно, врагов у меня хватало всегда. Вознесенный, как я, на вершину, вселяющий трепет и вызывающий благоговейное почтение неизменно привлекает отовсюду завистников. Но на ум приходил сейчас только один противник, который мог бы предсказать будущее. И если он задался целью найти меня в моем нынешнем, незавидном положении...

Нет, об этом лучше было не думать. Мне и без того хватало причин для беспокойства. Что толку пугать себя до смерти всякими предположениями и домыслами.

Мы уже обыскивали переулки, проверяя имена на почтовых ящиках и панелях интеркомов. В Верхнем Ист-Сайде оказалось так много Джексонов, что в какой-то момент это стало меня раздражать.

После нескольких неудачных попыток мы свернули за угол и там, под индийской сиренью, обнаружили старенький голубой «При-ус». Вмятины на капоте однозначно указывали на то, что их оставили копыта пегаса. (Почему я был так уверен? Да потому, что знаю следы копыт. К тому же обычные лошади не носятся галопом по «Тойотам», а вот пегасы проделывают это частенько.)

– Ага, приближаемся, – сказал я Мэг.

Еще через полквартала мой взгляд наткнулся на знакомое здание: кирпичную пятиэтажку с провисшими в окнах ржавыми кондиционерами.

– Вуаля!

У ступенек Мэг вдруг остановилась, как будто наткнувшись на невидимое препятствие, и посмотрела в сторону Второй авеню. В ее темных глазах разыгралась буря.

– Что случилось? – спросил я.

– Показалось, что снова их увидела.

– Их? – Я проследил за ее взглядом, но не обнаружил ничего необычного. – Тех дуболомов из переулка?

– Нет. Пару... – Она пошевелила пальцами. – Сияющие кляксы. Заметила еще на Парк-авеню.

Мой пульс перескочил с анданте на бодренькое аллегretto.

– Сияющие кляксы? Почему мне не сказала?

Она постучала по дужкам очков.

– Я же говорила, что много чего странного вижу. Обычно меня такие штуки не беспокоят, но...

– Но если они следуют за нами, то дело плохо.

Я еще раз внимательно оглядел улицу. Ничего особенного. Но в том, что Мэг заметила сияющие кляксы, сомнений не было. Обычно так выглядят духи. Мой отец, Зевс, однажды обратился в луч света, чтобы добиться расположения смертной женщины. (Почему смертные женщины находят это привлекательным? Спросите кого-нибудь другого.)

– Надо войти. Перси Джексон нам поможет.

Мэг, однако, медлила. Сражаясь с грабителями в переулке, она не выказала страха, но здесь, похоже, никак не решалась нажать кнопку звонка. Возможно, ей уже случалось встречаться с полубогами? И, возможно, эти встречи прошли не слишком хорошо.

– Послушай, я понимаю, что полубоги бывают разные. Я мог бы рассказать тебе кое-что о тех, кого мне пришлось убить или превратить в травы...

– В травы?

– Но Перси Джексон никогда не подводил. Бояться нечего. К тому же я ему нравлюсь, потому что научил всему, что он знает.

Она нахмурилась.

– Правда?

Ее невинность показалась мне даже очаровательной. Не зная вещей столь банальных – как это трогательно.

– Конечно. А теперь давай поднимемся.

Я позвонил и через несколько мгновений услышал искаженный до неузнаваемости женский голос.

– Да?

– Привет. Это Аполлон.

Ничего. Только потрескивание.

– Бог Аполлон, – добавил я, решив, что уточнение не помешает. – Перси дома?

Снова потрескивание... приглушенные голоса...

В двери загудело. Я толкнул ее, но в самый последний миг, перед тем как переступить порог, краем глаза уловил какое-то быстрое движение и оглянулся. На улице никого.

Отражение? Или снежинка мелькнула? А может, и сияющая клякса. В кожу на голове словно вонзились тысячи иголок – сигнал тревоги.

– Что? – спросила Мэг.

– Может, и ничего, – нарочито бодро ответил я. Не хотелось бы, чтобы Мэг сбежала, когда мы оказались уже почти в безопасности. Теперь нас связывали обязательства. Прикажи она, и мне пришлось бы следовать за ней, а о том, чтобы жить у нее в грязном переулке, я и думать не хотел.

– Идем. Не будем заставлять хозяев ждать.

После всего, что я сделал для Перси Джексона, хотелось бы увидеть, что моему появлению здесь рады. Встреча со слезами, жертвенные подношения, маленький праздник в мою честь – все было бы к стати.

Вместо этого открывший дверь квартиры молодой человек коротко спросил:

– Чего надо?

Как бывало всегда, меня вновь поразило его сходство с отцом, Посейдоном. Те же глаза цвета морской волны, те же взлохмаченные темные волосы, то же симпатичное лицо, черты которого легко отображали смену настроения, с веселости на гнев. Однако привычному одеянию своего отца – пляжным шортам и гавайским рубашкам – Перси предпочитал рваные джинсы и синюю толстовку с вышитыми на груди словами AHS SWIM TEAM.

Мэг попятилась, отступила в коридор и спряталась за моей спиной.

Я попытался улыбнуться.

– Перси Джексон, мои тебе благословения. Мне нужна помощь.

Взгляд Перси метнулся от меня к Мэг.

– Кто твоя подруга?

– Мэг Маккаффри, полубогиня, которую нужно отвести в Лагерь полукровок. Она спасла меня от уличных разбойников.

– Спасла... – Перси осмотрел мое пострадавшее лицо. – То есть вот это не маскировка? Чувак, да что с тобой случилось?

– Я уже упомянул уличных разбойников...

– Но ты же бог.

– Как сказать... Был богом.

Перси недоуменно моргнул.

– Был?

– А еще я почти уверен, что за нами следили зловредные духи.

Если бы я не знал, как обожает меня Перси Джексон, наверняка бы подумал, что ему так и хочется дать мне в уже разбитый нос.

– Ладно, – вздохнул он. – Чего уж там – входите.

4

*Джексона дом
И без трона золотого для гостя
Шутишь, чувак?*

И еще одно, чего я тоже никогда не мог понять: как вы, смертные, живете в такой тесноте? Где ваша гордость? Чувство стиля?

В апартаментах Джексона не оказалось ни тронного зала, ни колоннад, ни террас, ни банкетного зала, ни даже термальной купальни. Одна крохотная общая комната с прилепленной к ней кухней и коридорчик, ведущий, по-видимому, в спальни. Помещалась квартира на пятом этаже, и, хотя я не стал придирааться к отсутствию лифта, мне все же показалось странным, что в доме нет посадочной площадки для летающих колесниц. Интересно, что они будут делать, когда с визитом пожалуют гости с небес?

За кухонным столом готовила смузи необыкновенно привлекательная смертная женщина лет сорока. В длинных каштановых волосах мелькали редкие седые нити, но выглядела она моложе благодаря ясным глазам, легкой улыбке и летнему платью из «варенки».

При нашем появлении женщина выключила блендер и вышла из-за стола.

– Святая Сивилла! – воскликнул я. – Мадам, что такое с вашим животом!

Женщина остановилась и недоуменно посмотрела на свой невероятно распухший живот.

– Вообще-то я на седьмом месяце беременности.

Я чуть не расплакался от жалости к ней. Носить такой вес противоестественно. Моя сестра, Артемида, имела некоторое отношение к родовспоможению, но сам я всегда предпочитал, чтобы этой областью целительных искусств занимались другие.

– И как только вы это переносите? Моя мать, Лето, перенесла долгую беременность, но потому лишь, что ее прокляла Гера. Вы прокляты?

– Э, Аполлон... – вмешался Перси. – Она не проклята. И... Ты можешь не упоминать Геру?

– Бедная женщина. – Я покачал головой. – Богиня никогда бы не позволила себе такого обременения. Родила бы сразу, как только пожелаала.

– Да, должно быть, чудно, – согласилась женщина.

Перси откашлялся.

– Ладно. Мам, это Аполлон и его подруга, Мэг. Ребята, это моя мама.

Мать Джексона улыбнулась и пожала нам руки:

– Зовите меня Салли.

Она прищурилась, рассматривая мой изуродованный нос.

– Господи, это же, наверно, так больно. Что случилось?

Я попытался объяснить, но поперхнулся собственными словами. Я, сладкоречивый бог поэзии, не мог заставить себя описать свой позор этой доброй женщине.

Чем именно она сразила Посейдона, понять было нетрудно. В Салли идеально сочетались участливость, сила и красота. С богами, что редкость среди смертных, она общалась на равных, не боясь нас, не ожидая наших даров, но предлагая истинную дружбу.

Будь я бессмертным, возможно, и сам бы пофлиртовал с ней. Но мое нынешнее состояние шестнадцатилетнего мальчишки сказывалось и на образе мыслей. Салли Джексон виделась мне мамочкой, и такое восприятие пугало меня и смущало. Я подумал, что уже давно не бывал у своей матери и что по возвращении на Олимп надо будет сводить ее куда-нибудь, угостить обедом.

– Вот что я скажу. – Салли похлопала меня по плечу. – Перси поможет тебе и почиститься, и с перевязкой.

– Да? – поморщился Перси.

Салли укоризненно подняла бровь.

– Аптечка в ванной, дорогой. Пусть Аполлон примет душ, а ты подыщи ему что-нибудь из своей одежды. Вы примерно одного размера.

– Вот же тоска, – проворчал Перси.

Салли потрепала Мэг по щеке. К счастью, девчонка ее не укусила. В глазах женщины затаилось беспокойство, и я понимал, о чем она думает: кто вырядил бедняжку в светофор?

– У меня есть кое-какая одежда, которая вполне может тебе подойти, – сказала Салли. – Та, что я носила до беременности. Давай приведем тебя в порядок, а потом приготовим что-нибудь поесть.

– Поесть бы хорошо, – пробормотала Мэг.

– Ну, это у нас с тобой общее, – рассмеялась Салли. – Перси, забирай Аполлона. Мы будем ждать вас здесь.

В самое короткое время меня сопроводили в душ, перевязали и переодели в джексонские обноски. В ванной Перси оставил меня одного, за что я был ему благодарен. Он также предложил амброзию и нектар – обычную для богов пищу – для заживления ран, но тут у меня возникли некоторые сомнения: безопасны ли они в моем нынешнем состоянии? Решив избежать риска самовоспламенения, я удовольствовался содержимым обычной аптечки.

Закончив, я посмотрел на себя в зеркале. Возможно, из-за того, что одежда пропиталась какими-то подростковыми страхами, я в еще большей степени ощущал себя обиженным жизнью школьником. Мысли вертелись вокруг несправедливого наказания и проблем, подобных которым никто в истории до меня не испытывал.

С эмпирической точки зрения, так оно и было. Никакое преувеличение здесь и не требовалось.

Хорошо, что хотя бы мои раны заживались быстрее, чем у обычного смертного. Опухоль заметно спала. Ребра еще побаливали, но, по крайней мере, исчезло малоприятное ощущение, что кто-то в груди вяжет свитер раскаленными спицами.

Ускоренное исцеление было меньшим, что мог сделать для своего сына Зевс. В конце концов, я и сам был богом врачевания. Возможно, он хотел, чтобы я поправился побыстрее, чтобы испытать потом еще больше боли, но в любом случае я был ему признателен.

Наверно, стоило бы разложить в ванной Перси Джексона небольшой костерок и спалить в знак благодарности парочку бинтов, но такая вольность с моей стороны могла нанести удар по гостеприимству Джексонов.

Я повнимательней рассмотрел полученную от Перси футболку. Спереди ее украшал логотип звукозаписывающей фирмы рок-группы «Лед Зеппелин»: падающий с неба крылатый Икар. С «Лед Зеппелин» у меня проблем никогда не возникало – именно я вдохновил ребят на создание их лучших песен. Но мне никак не удавалось избавиться от заползшего в душу подозрения, что Перси дал эту футболку не просто так, а с шутливым намеком – низвержение с небес. Да, ха-ха. Такую метафору не пропустишь, тут и богом поэзии быть необязательно. Поразмыслив, я решил оставить выпад без комментариев и не дать Перси повода позловредничать.

Глубокий вдох. И, как обычно, мотивационная речь перед зеркалом:

– Ты прекрасен, и люди любят тебя!

С этим я и отправился в свет.

Перси сидел на кровати, разглядывая оставленную мною на ковре цепочку капелек крови.

– Извини, – сказал я.

Он развел руками.

– Вообще-то я вспоминал, когда у меня самого шла носом кровь.

– О...

Неясный, с темными пятнами, эпизод всплыл из памяти. Афины. Акрополь. Мы, боги, сражались бок о бок с Перси Джексон и его товарищами. Армия гигантов была разбита, но капля крови Перси упала на землю и пробудила Гею, проснувшуюся не в самом лучшем настроении.

Потом на меня взъялся Зевс. Мол, все началось из-за меня, только потому, что Гея одурачила одного из моих потомков, парнишку по имени Октавиан, вызвав гражданскую войну между греческим и римским лагерями. Войну, которая едва не уничтожила человеческую цивилизацию. Вот я вас и спрашиваю: в чем тут моя вина?

Тем не менее ответственность за манию величия Октавиана Зевс возложил на меня, посчитав, что эгоизм мальчишка унаследовал от родителя. Что нелепо и смехотворно. Я слишком самокритичен, чтобы быть эгоистичным.

– Так что с тобой случилось? – вторгся в мои размышления голос Перси. – Война закончилась в августе, сейчас январь.

– Вот как? – Ветреная погода должна была бы послужить подсказкой, но я об этом особенно не задумывался.

– В последний раз мы виделись на Акрополе, – продолжал Перси. – Зевс устроил тебе взбучку, а потом – БАМ! – испарил. Шесть месяцев о тебе ни слуху ни духу не было.

Я попытался напрячь память, но все, относившееся к моему божественному существованию, не только не прояснилось, но и, наоборот, затуманилось.

Что случилось в последние шесть месяцев? Пребывал ли я в некоем стазисе? Неужели Зевсу понадобилось полгода, чтобы решить, что со мной делать? Возможно, он не так просто ожидал именно этого момента, чтобы бросить меня на землю. Возможно, была какая-то причина...

В ушах все еще грохотал отцовский голос: **ТЫ ПРОВИНИЛСЯ. ТВОЕ НАКАЗАНИЕ.** Я все еще сгорал от стыда, словно разговор произошел только что, но сомнения оставались.

Когда живешь несколько тысяч лет, то даже в лучших обстоятельствах бывает трудно вспомнить, что и когда случилось. Бывает, услышишь песню на «Спотифай» и думаешь, *о, что-то новенькое*. Потом понимаешь, что это фортепьянный концерт номер 20 Ре минор Моцарта и ему двести с лишком лет. Или просматриваешь список контактов и удивляешься, почему там нет историка Геродота. А у него, оказывается, и смартфона-то нет, потому как он умер еще в Железном веке.

Смертные так быстро умирают, что порой это даже раздражает.

– Я не знаю, где был, – признался я. – У меня случаются провалы в памяти.

– Неприятная штука, – поморщился Перси. – В прошлом году я целый семестр потерял из-за Геи.

– А, да. – Я так и не смог вспомнить, о чем именно говорит Перси. Во время войны с Геей меня больше занимали собственные подвиги. Но ему и его друзьям, наверно, выпала некоторая доля испытаний и лишений.

– Не бойся. Возможности покрыть себя славой еще представятся! Поэтому я и обратился к тебе за помощью!

Он опять посмотрел на меня как-то странно, как будто хотел дать пинка, но я-то знал, что парень просто старается не рассыпаться в благодарностях.

– Послушай, чувак...

– Пожалуйста, перестань называть меня чуваком. Меня это злит, напоминает, что я человек.

– О'кей... Аполлон... Если хочешь, я отвезу вас с Мэг в лагерь. Никогда не отказываю полубогу, который нуждается в помощи...

– Вот и замечательно! У тебя есть что-нибудь кроме «Приуса»? Может, «Мазерати»? Хотя устроит и «Ламборгини».

– Но, – продолжал Перси, – я не могу впутаться в еще одно Великое пророчество или что-то там еще. Я дал обещания.

Я уставился на него непонимающе.

– Обещания?

Перси сплел пальцы. Длинные и ловкие. Из него получился бы прекрасный музыкант.

– Из-за войны с Геей я потерял едва ли не весь учебный год. Этой осенью пришлось догонять, наверстывать упущенное. Если я хочу следующей осенью пойти в колледж вместе с Аннабет, мне нужно держаться подальше от неприятностей и получить диплом.

– Аннабет. – Имя было смутно знакомо. – Такая жуткая блондинка?

– Точно. И я обещал ей лично, что меня не убьют, пока ее нет.

– Нет?

Перси махнул рукой в общем направлении на север.

– Уехала в Бостон на несколько недель. Какие-то срочные семейные дела. Дело в том...

– Хочешь сказать, что не можешь предложить мне свои исключительные услуги по восстановлению меня на троне?

– Э... да. – Он указал на дверь спальни. – К тому же и мама беременна. Придется послужить нянькой. Хочу побыть рядом с малышкой, узнать ее получше.

– М-да, понимаю. Помню, когда родилась Артемида...

– Вы разве не близнецы?

– Ну, я всегда относился к ней как к младшей сестренке.

– А еще... – Перси едва заметно усмехнулся. – Весной у мамы выходит ее первый роман, и мне хотелось бы его прочитать.

– Замечательно! – сказал я. – Напомни про жертвоприношение – чтобы все по правилам. Каллиопа – особа обидчивая и легко раздражается, когда писатели забывают выразить ей благодарность.

– Хорошо. Так вот я это к тому... отправляться на поиски очередных приключений мне сейчас совсем некстати. Не могу я так поступить с семьей.

Перси взглянул на окно. На подоконнике, в горшке, стоял цветок с нежными серебристыми листочками – возможно, лунное кружево.

– Я маме столько волнений доставил – на целую жизнь хватит. Она уже почти простила меня за прошлогоднее исчезновение, но я поклялся ей и Полу, что такое больше не повторится.

– Полу?

– Это мой отчим. Он – учитель. Хороший парень.

– Понятно. – Сказать по правде, понятного было мало. Мне не терпелось вернуться к главной теме, обсудить мои проблемы, а Перси снова и снова поворачивал разговор на себя. Печально, но среди полубогов такого рода эгоцентричность вполне обычное дело.

– Пойми же, мне необходимо найти способ вернуться на Олимп. Возможно, это подразумевает множество рискованных испытаний с высокой вероятностью смерти. Разве ты можешь отказаться от такой славы?

– Да, вообще-то могу. Извини.

Я поджал губы. Меня всегда огорчало, когда смертные ставили себя на первое место и не желали видеть всей картины в целом – первостепенной важности моих интересов, – но я напомнил себе, что этот юноша многократно помогал мне прежде. И, таким образом, заслуживает моей благосклонности.

– Понимаю, – с невероятным благородством промолвил я. – Но ты, по крайней мере, сопроводишь нас в Лагерь полукровок?

– Это я смогу. – Перси Джексон сунул руку в карман толстовки и достал шариковую ручку. У меня мелькнула мысль, что он хочет попросить автограф. Трудно даже сказать, сколь часто такое случается. Потом я вспомнил, что ручка – это его замаскированный меч, Анаклизмос.

Он улыбнулся, и его глаза блеснули озорством полубога.

– Пошли посмотрим, готова ли Мэг к полевой экскурсии.

5

*Семислойный соус-дип
Голубые шоколадные чипсы
Люблю эту женщину*

Салли Джексон – кудесница под стать Цирцее. Невероятно, как быстро ей удалось превратить Мэг из уличной бродяжки в поразительно симпатичную особу. Темные волосы были аккуратно расчесаны и сияли. Круглое личико отмыли от грязи. «Кошачьи» очки почистили так, что стразы заблестели ярче брильянтов. Старые красные кеды ей отстоять удалось, но теперь на ней были новые черные легинсы и переливающееся оттенками зеленого платье до колен.

Миссис Джексон придумала, как сохранить прежний образ Мэг, но придать ему привлекательности. Теперь у девочки появилась озорная весенняя аура, из-за чего она напоминала шаловливую дриаду. В сущности...

Меня накрыла накатившая вдруг волна эмоций. Я даже поперхнулся, сдерживая всхлип. Мэг тут же надулась.

– Что, так плохо выгляжу?

– Нет, нет. Просто... – *Просто ты напомнила мне кое-кого*, хотел сказать я, но не решился поворачивать разговор в эту сторону. Всего лишь двое смертных сумели разбить мне сердце. И даже по прошествии столетий я не мог произнести *ее* имя, не впад в отчаяние. Не поймите меня неправильно. Я не испытывал к Мэг никакого влечения. Мне было шестнадцать (или четыре с лишком тысячи лет – это как смотреть). Ей едва ли исполнилось двенадцать. Но та Мэг Маккаффри, что появилась передо мной в тот миг, могла быть дочерью моей последней возлюбленной, прожившей достаточно долго, чтобы завести детей.

Какая боль. Я отвел глаза.

– Что ж, – с преувеличенной веселостью сказала Салли Джексон, – я, пожалуй, приготовлю ланч, пока вы трое... поговорите.

Она бросила на Мэг обеспокоенный взгляд и, бережно поддерживая живот, направилась в кухню.

Мэг присела на краешек дивана.

– Знаешь, Перси, твоя мама такая нормальная.

– Ну спасибо. – Он взял с кофейного столика стопку контрольных тестов и отложил их в сторону.

– Вижу, тебе нравится учиться, – заметил я. – Молодец.

– Терпеть не могу учиться, – фыркнул Перси. – Мне гарантировали прием с полной стипендией в Новый Римский университет, но все равно требуют, чтобы я прошел все школьные курсы и сдал отборочный тест. Невероятно, да? И это не говоря о том, что за мной еще СТМСП.

– Что? – спросила Мэг.

– Такой экзамен для римских полубогов, – объяснил я. – Стандартный тест на магические силы для полубогов.

Перси нахмурил брови.

– Так вот оно как расшифровывается?

– Да. Я сам писал разделы по музыкальному и поэтическому анализу.

– Никогда тебе этого не прощу, – заявил Перси.

Мэг принялась болтать ногами.

– Ты и вправду полубог? Как я?

– Боюсь, что да. – Перси завалился в кресло, так что мне ничего не оставалось, как разместиться на диване рядом с Мэг. – Мой отец – бог Посейдон. А кто твои родители?

Мэг затихла и уже не болтала ногами, а рассматривала пожеванные кутикулы. На средних пальцах тускло мерцали парные кольца-полумесяцы.

– Я и не знала их... толком.

Перси замялся.

– Ты из приемной семьи?

Есть такое растение, *мимоза стыдливая*, созданное богом Паном. Когда дотрагиваешься до его листьев, оно тут же закрывается. Мэг сейчас как будто изображала эту мимозу, прячась от вопросов Перси.

– Извини за назойливость. – Он поднял руки и вопросительно посмотрел на меня. – А как вы, ребята, познакомились?

Я рассказал историю нашей встречи, слегка, может быть, приукрасив собственную доблесть, явленную в обороне от Майки и Кейда. Исключительно ради повествовательного эффекта, как вы понимаете.

Я уже заканчивал, когда вернулась Салли Джексон. Она поставила на стол чашку с кукурузными чипсами и блюдо со сложносоставным соусом, разноцветные слои которого напоминали осадочную породу.

– Сейчас принесу сэндвичи. А это семислойный дип.

– Ням-ням. – Перси потянулся к чипсам. – У нее это здорово получается.

Салли взъерошила ему волосы.

– Здесь и гуакамоле, и сметана, и поджаренные бобы, и сальса...

– Семь слоев? – Я с восхищением посмотрел на нее. – Вы знали, что семь – мое священное число? Специально для меня придумали?

Салли вытерла руки о фартук.

– Ну, вообще-то я такую честь принять не могу...

– Не скромничайте! – Я попробовал дип. Вкусом соус ничуть не уступал начос из амброзии. – Этим блюдом, Салли Джексон, вы снискали вечную славу!

– Как мило. – Она направилась в кухню. – Сейчас вернусь.

Через пару минут мы уже уплетали за обе щеки сэндвичи с индюшатиной, заправлялись чипсами, макая их в дип, и запивали все банановым смузи. Мэг ела как бурундук, засовывая в рот больше, чем могла прожевать. Я тоже набил живот до отказа. Никогда еще мне не было так хорошо. Откуда-то даже проклюнулось странное желание взять в руки игровую приставку да порезаться в «Call of Duty».

– Перси, у тебя потрясающая мама.

– А то я не знаю. – Он допил смузи. – Так на чем мы остановились? Ты, значит, служишь сейчас Мэг? Ребята, вы ведь едва знаете друг друга.

– Едва – это некоторое преувеличение, – сказал я. – И тем не менее так оно и есть. Моя судьба связана отныне с юной Маккаффри.

– Мы сотрудничаем, – добавила Мэг, с заметным удовольствием произнося понравившееся слово.

Перси выудил из кармана шариковую ручку и задумчиво постучал ею о колено.

– Так ты уже дважды превращался в смертного?

– Не по своей воле, – пояснил я. – В первый раз это случилось после небольшого восстания на Олимпе. Мы попытались свергнуть Зевса.

Перси поморщился.

– Я так понимаю, ничем хорошим это не закончилось.

– Всю вину, разумеется, свалили на меня. И, да, на твоего отца, Посейдона. Нас обоих сбросили на землю как смертных и принудили служить Лаомедону, царю Трои. Суровый был господин. Подумать только, даже отказался платить нам за работу!

Мэг чуть не подавилась сэндвичем.

– Я что, должна тебе платить?

Перед моим мысленным взором промелькнула жуткая картина: Мэг Маккаффри пытается расплатиться со мной бутылочными пробками, марблами и разноцветными шнурочками.

– Не беспокойся. Выставлять тебе счет я не собираюсь. Ну так вот. Во второй раз меня обратили в смертного из-за того, что я убил нескольких циклопов. Зевс тогда так разъярился...

– Что ж тут хорошего, – нахмурился Перси. – У меня брат – циклоп.

– Те были злобные! Они даже выковали молнию, которая убила одного из моих сыновей!

Мэг вспрыгнула на подлокотник дивана.

– У Перси брат – циклоп? Ну жуть!

Я глубоко вдохнул.

– Повезло хотя бы в том, что меня определили в услужение к Адмету, царю Фессалии. Добрый был господин и очень мне нравился. Я даже устроил так, чтобы его коровы телились двойнями.

– А мне можно теленочка? – спросила Мэг.

– Видишь ли, для начала нужно завести корову-мamu. Понимаешь...

– Для полной ясности, – вмешался Перси. – Итак, ты теперь слуга Мэг. На какой срок?

– На неопределенный, – сказал я. – Может, на год. Может, больше.

– И впереди у тебя...

– Великое множество трудностей и испытаний.

– Типа добыть для меня коров, – вставила Мэг.

Я скрипнул зубами.

– Что это за испытания, пока неизвестно. Но если я преодолею все препятствия и проявлю себя с лучшей стороны, Зевс простит меня и позволит снова стать богом.

Убедить Перси, похоже, не удалось – возможно, потому, что убедительности не доставало мне самому. Снова и снова я говорил себе, что мое наказание временное, как и в предыдущие два раза.

Однако ж сам Зевс установил строгое правило для бейсбола и тюремного приговора: три страйка, и ты выбыл. Оставалось только надеяться, что к моему случаю это не относится.

– Мне потребуется какое-то время, чтобы оглядеться и сориентироваться, – сказал я. – В Лагере полукровок можно будет проконсультироваться с Хироном, определить, какие божественные силы остались у меня в форме смертного.

– Если какие-то остались, – скептически заметил Перси.

– Давай думать позитивно!

Перси откинулся на спинку кресла.

– Какие духи могли вас преследовать? Есть предположения?

– Сияющие кляксы, – сказала Мэг. – Они сияли и напоминали... кляксы.

Перси даже не улыбнулся.

– Эти хуже всего, – с серьезным видом кивнул он.

– Неважно, – перебил я. – Кем бы они там ни были, нам надо бежать. В лагере мы будем в безопасности, там меня защитят магические границы.

– А меня? – поинтересовалась Мэг.

– Да, конечно, и тебя тоже.

Перси нахмурился.

– Послушай, Аполлон, если ты по-настоящему смертный, то есть смертный на сто процентов, то как ты попадешь в Лагерь полукровок? Ты ведь не сможешь даже войти туда.

Семислойный соус-дип медленно повернулся у меня в животе.

– Пожалуйста, не говори так. Разумеется, я туда войду. Должен войти.

– Но теперь ты можешь пострадать в сражении... – задумчиво произнес Перси. – С другой стороны, возможно, духи просто не обратят на тебя внимания, потому что ты им уже не важен?

– Стоп! – У меня дрожали руки. Как же нелегко быть смертным. Мысль о том, что меня не пустят в лагерь, что я – ничтожество... Нет. Такого просто не может быть. – Уверен, какие-то силы я сохранил. Я, например, по-прежнему прекрасен – надо только избавиться от угрей и убрать эти складки на боках. У меня должны быть другие способности!

Перси повернулся к Мэг:

– Ну а ты? Слышал, ты ловко метает мусорные мешки. О каких еще талантах нам следует знать? Вызываешь молнию? Взрываешь туалеты?

Мэг нерешительно улыбнулась.

– И никакая это не сила.

– Ошибаешься. Некоторые могучие полубоги именно с того и начинали, что взрывали туалеты.

Мэг хихикнула.

Мне не понравилось, как она таращится на Перси. Не хватало только, чтобы девчонка увлеклась им. Тогда бы мы точно отсюда не выбрались. Конечно, стряпуха Салли Джексон замечательная – из кухни уже просачивался изумительный запах печенья, – но мне нужно было как можно скорее попасть в лагерь.

– Хмм. – Я потерял руки. – Когда сможем отправиться?

Перси посмотрел на настенные часы.

– Думаю, прямо сейчас. Если вас и впрямь преследуют духи, то пусть лучше идут за нами, чем шастают по квартире.

– Молодец, – похвалил его я.

Перси бросил неприязненный взгляд на тесты.

– Но вечером мне надо вернуться. Столько еще учить. Первые два раза, когда я сдавал отборочный тест... бррр... Если бы Аннабет не помогла...

– А это кто такая? – тут же спросила Мэг.

– Моя девушка.

Мэг насупилась. Хорошо, что поблизости не оказалось мусорных мешков.

– Вот и сделай перерыв! – посоветовал я. – Прогуляйся на Лонг-Айленд, проветри голову.

– А что? С точки зрения лентяя, какая-то логика в этом есть. О'кей. Давайте прогуляемся.

Только Перси поднялся, как в комнату вошла Салли Джексон с подносом свежеспеченного печенья с шоколадной крошкой. По какой-то причине само печенье было голубым, но пахло оно божественно – уж я-то знал. Я сам с небес.

– Мам, не волнуйся, – поспешил Перси.

Салли вздохнула:

– Ох, не нравится мне, когда ты так говоришь.

– Я только отвезу этих двоих в лагерь, вот и все. И сразу же вернусь.

– По-моему, я уже слышала это раньше.

– Обещаю.

Салли посмотрела на меня, потом на Мэг, и выражение ее лица смягчилось – природная доброта перевесила тревогу за сына.

– Ладно. Будьте осторожны. Было приятно с вами встретиться. Пожалуйста, постарайтесь остаться в живых.

Перси поцеловал мать в щеку и потянулся за печеньем, но она отвела поднос в сторону.

– Нет-нет. Аполлон и Мэг могут взять по одному, но остальное я приберегу до твоего возвращения. И поторопись, дорогой. Будет досадно, если Пол, вернувшись домой, съест все в одиночку.

Перси повернулся к нам:

– Слышали, ребята? Целый поднос печенья. Если меня убьют по пути в лагерь, я точно опоздаю.

6

*Аквамен за рулем
Хуже и быть не может
Ох, стой, ну вот и на*

К великому моему разочарованию, запасного лука со стрелами у Джексонов не нашлось.

– Я стрелок фиговый, – объяснил Перси.

– Ты – да, а вот я – нет. Вот почему ты всегда должен думать о том, что понадобится мне.

Зато Салли нашла для нас с Мэг по теплой флисовой куртке. Мне досталась синяя, с вышитой изнутри надписью БЛОФИС. Возможно, то было какое-то защитное заклинание от злых духов – не знаю. Вот Геката, та бы знала. Колдовство – не моя тема.

Мы подошли к «Приусу», и тут Мэг уселась впереди, что стало еще одним примером совершенной в отношении меня несправедливости. Боги не ездят сзади. Я предложил поехать за ними на «Мазерати» или «Ламборгини», но Перси признался, что ни того, ни другого у него нет. Один только «Приус» на всю семью. В смысле... вау. Просто вау.

Разумеется, на заднем сиденье меня быстро укачало. В небе, где я обычно разъезжаю на солнечной колеснице, все трассы – скоростные. К лонг-айлендовской автостраде я не привык. Поверьте мне, даже в обычный январский денек ваши скоростные магистрали никакие не скоростные.

Перси затормозил и подался вперед. С каким удовольствием я бы запустил огненный шар и расчистил путь – ведь нам-то нужнее.

– А огнеметов в твоём «Приусе» нет? Лазеров? Или хотя бы гефестовского бамперного ножа? Что это вообще за колымага такая – ничего нет?

Перси посмотрел в зеркало заднего вида.

– У вас на Олимпе так же ездят?

– Дорожных пробок у нас нет, это я могу тебе обещать.

Мэг покрутила свои колечки-полумесяцы. Интересно, не связана ли она все-таки с Артемидой? Луна – символ моей сестры. Может быть, Артемида послала девчонку присматривать за мной?

Нет, не похоже. Артемида никогда ничем со мной не делилась – ни полубогами, ни стрелами, ни народами, ни вечеринками. У близнецов такое бывает. Да и сама Мэг Маккаффри не производила впечатления последовательницы моей сестрицы – у нее была другая аура. И я бы легко эту ауру распознал, если бы только был богом. Пока же оставалось только рассчитывать на человеческую интуицию, а это все равно что собирать иголки в рукавицах.

Мэг обернулась и посмотрела в заднее окно. Наверно, проверяла, не гонятся ли за нами сияющие кляксы.

– Хорошо, что за нами хотя бы...

– Не говори, – предупредил Перси.

Мэг фыркнула:

– Ты же не знаешь, что я собиралась сказать.

– Ты собиралась сказать «хорошо, что за нами хотя бы не следят». И сразу бы нас сглазила. Мы бы тут же увидели, что за нами следят. И тогда все закончилось бы большим сражением, которое уничтожило бы мою семейную машину и, не исключено, всю автостраду. А нам пришлось бы бежать до самого лагеря.

Глаза у нее расширились.

– Ты можешь предсказывать будущее?

– В этом нет необходимости. – Перси сменил одну полосу на другую, по которой машины ползли не так медленно. – Просто у меня часто такое случалось. К тому же... – он метнул в мою сторону осуждающий взгляд, – предсказывать будущее не может уже никто. Оракул не работает.

– Какой оракул? – спросила Мэг.

Ей никто не ответил.

Пораженный, я на мгновение утратил дар речи. И поверьте, лишиться меня дара речи не так-то просто.

– Что, все еще не работает? – пробормотал я наконец.

– А ты не знал? – спросил Перси. – Да, понимаю, тебя не было шесть месяцев, но это случилось в твою смену.

Какая несправедливость. В то время я был занят, укрывался от гнева Зевса, что можно квалифицировать как вполне уважительную причину. Откуда мне было знать, что Гея воспользуется вызванным войной хаосом и вызовет из глубин Тартара моего старейшего, главнейшего врага, чтобы тот захватил свое прежнее логово в дельфийской пещере и перекрыл источник моей пророческой силы?

О, да, я уже слышу голоса критиков: ты же бог пророчества, Аполлон. Как же ты мог не знать, что это случится?

В ответ они услышат неприличный звук в духе моей новой знакомой.

Я слотнул вкус страха и семислойного соуза.

– Просто... я думал... надеялся... что об этом позаботятся...

– Ты имеешь в виду полубогов? Что они предпримут квест ради возвращения Дельфийского оракула?

– Именно так! – Я знал, что Перси поймет. – Скорее всего, Хирон просто забыл. Я напомню ему, когда мы прибудем в лагерь, и он наберет команду расходников... то есть героев...

– Тут ведь вот такая штука, – сказал Перси. – Для квеста нам нужно пророчество, верно? Таковы правила? Нет оракула – нет и пророчества, и, следовательно, мы застреваем в...

– Ловушке-88, – вздохнул я.

Мэг бросила в меня кусочек ваты.

– Ловушка-22.

– Нет, – терпеливо объяснил я. – Именно Ловушка-88 – то есть вчетверо хуже.

Чувство было такое, словно я покачивался на воде в теплой купальне, а кто-то вдруг взял и вытащил пробку. Вода закружилась, увлекая меня за собой. Еще немного, и я либо останусь на дне, дрожащий и беззащитный, либо попаду в сточную трубу безнадежности. (Не смейтесь. Метафора получилась превосходная. Вылететь в канализацию богу ничего не стоит – чуть только зазевался, расслабился или вздумал поменять форму в неподходящий момент. Мне однажды случилось проснуться в отстойнике в Билокси, но это другая история.)

Только теперь я начал понимать, что ожидает меня на пути смертного. Оракула удерживают враждебные силы. Противник залег и выжидает, набираясь сил, крепчая с каждым днем за счет волшебных испарений дельфийских каверн. А я – слабосильный смертный, связанный с необученной полубогиней, метающей мусорные мешки и жующей ногти.

Нет. Зевс не мог рассчитывать, что я справлюсь со всей этой ситуацией. Не в моем нынешнем состоянии.

И все же... Кто-то ведь прислал тех головорезов, поручив им перехватить меня в закоулке. Кто-то знал, куда я упаду.

Перси сказал, что никто больше не может предсказать будущее.

Но это не совсем верно.

– Эй вы, двое. – Мэг бросила в каждого из нас по кусочку ваты.

И где только она находит эту вату?

Оказывается, я совсем забыл про нее. И все было так хорошо... пока было.

– Да, извини. Видишь ли, Дельфийский оракул – это древний...

– Да мне наплевать, – отозвалась девочка. – Там три сияющие кляксы.

– Что? – встрепнулся Перси.

Она ткнула пальцем за спину:

– Посмотри.

Лавируя в потоке движения, к нам быстро приближались три блестящих, гуманоидной формы призрака, напугавших мне клубящиеся облачка от дымовых гранат, когда к ним прикоснулся царь Мидас.

– Для разнообразия хотелось бы чего-то полегче, – проворчал Перси. – А теперь – держитесь. Рванем напрямик.

Как оказалось, значение слова *напрямик* мы с Перси понимали по-разному. В моем представлении это езда по прямой через сельскую местность. Получилось же вот что: Перси бросил «Приус» к ближайшему съезду, промчался, петляя, через парковочную площадку торгового центра и пронесся мимо дорожного мексиканского ресторанчика, ничего при этом не заказав. Мы свернули в промышленную зону, представленную обветшалыми складами, но дымящиеся призраки не отставали.

Вцепившись в ремень безопасности так, что побелели костяшки пальцев, я повернулся к Перси Джексону:

– И это твой план? Разбиться насмерть, чтобы избежать схватки с духами?

– Ха-ха. – Перси крутанул руль вправо. Мы мчались на север. Склады постепенно уступали место мешанине из многоквартирных зданий и заброшенных торговых центров. – Едем к берегу. Возле воды мне легче сражаться.

– Из-за Посейдона? – полюбопытствовала Мэг, хватаясь за дверную ручку.

– Угу, – отозвался Перси. – Подходящая формула для описания всей моей жизни: из-за Посейдона.

Мэг даже запрыгала от восторга, что показалось мне совершенно бессмысленным, поскольку мы и без того уже напрыгались.

– Будешь как Аквамен? – спросила она. – Сделаешь так, что драться будут рыбы?

– Спасибо. Шутками про Аквамена сыт по горло. Столько услышал – на всю жизнь хватит.

– Я не шучу! – возразила Мэг.

Я глянул в заднее окно. Три сияющих дымка не отставали. Один из них пролетел через переходившего улицу мужчину средних лет. Пешеход мгновенно упал.

– Я их знаю! – воскликнул я. – Это... мм...

Мозг снова затуманился.

– Кто? – нетерпеливо спросил Перси. – Кто они такие?

– Забыл! Ууу, как же гадко быть смертным! Знания за четыре тысячи лет, тайны вселенной, море мудрости – все утрачено, потому что не помещается в этой чашке, которая у меня вместо головы!

– Держись!

«Приус» пролетел через железнодорожный переезд и взмыл в воздух. Мэг взвизгнула, ударившись головой о потолок салона, и захихикала как сумасшедшая.

И действительно – городской пейзаж сменился настоящим сельским ландшафтом: отдыхающими полями, спящими виноградниками, садами с голыми фруктовыми деревьями.

– До берега миль или около того, – сообщил Перси. – До западной стороны лагеря рукой подать. Успеем. Успеем.

Не успели. Одно из сияющих дымчатых пятен сделало финт ушами, прыгнув с тротуара непосредственно перед нами.

Перси машинально подал в сторону.

«Приус» съехал с дороги, пробил ограду из колючей проволоки и въехал в сад. Столкновения с деревьями Перси удалось избежать, но машину занесло на замерзшей луже, и она врезалась клином между двумя стволами. Воздушные подушки безопасности каким-то чудом не сработали.

Перси расстегнул ремень безопасности.

– Вы как, ребята? В порядке?

Мэг толкнула дверцу со своей стороны.

– Не открывается. Вытащите меня отсюда!

Перси попробовал свою дверцу, но и ее не пускало крепкое дерево.

– Сюда! Перелезай! – крикнул я и, пнув дверцу, выбрался наружу. Ноги дрожали, и ощущение было такое, будто я стою на изношенных амортизаторах.

Три дымчатые фигуры остановились было на краю сада, но теперь медленно приближались, приобретая более плотную форму. У них вырастали руки и ноги. На лицах сформировались глаза и широкие, жадные рты.

Я знал, что уже сталкивался с этими духами раньше. И хотя не мог вспомнить, кто они, но помнил, что множество раз рассеивал их, обращал в прах с той же легкостью, с которой разгонял рой назойливых насекомых.

К несчастью, теперь я был не богом, а напуганным шестнадцатилетним подростком. Мои ладони повлажнели от пота. Зубы стучали. И в голове билась только одна отчетливая мысль: ВОТ УЖАС!

Перси и Мэг никак не могли вылезти из машины. Им нужно было время, а это означало, что кто-то должен вмешаться.

– Стойте! Я – бог Аполлон!

Как ни удивительно, все три духа остановились шагах в двадцати от меня.

Я услышал, как Мэг выползла с заднего сиденья, и двинулся навстречу духам. Под ногами хрустел ледок на замерзших лужах. Дыхание срывалось с губ клочками пара. Я поднял руку с тремя выставленными пальцами, прибегнув к древнему жесту для отвращения зла.

– Уйдите или будете уничтожены! БЛОФИС!

Дымчатые фигуры затрепетали, а в моей груди встрепенулась надежда. Ожидая, что противник вот-вот рассеется или, объятый страхом, обратится в бегство, я остановился.

Вместо этого они загустели, отвердели и превратились в отвратительные трупы с желтыми глазами. Одеждой им служили дырявые лохмотья, руки и ноги покрывали зияющие раны, язвы и болячки.

– Ого. – Я сглотнул так, что кадык, как бильярдный шар, упал чуть ли не на грудь.

Мои спутники уже стояли рядом, справа и слева от меня. Ручка Перси вытянулась, металлически щелкнула и превратилась в клинок из грозно мерцающей небесной бронзы.

– Помнишь? – спросил он. – Помнишь, как убивать этих тварей?

– Нет. Вспомнил только, кто они. Носои², духи чумы. И еще... их невозможно убить.

² Носои – форма мн. ч., в ед. ч. – носос.

7

*Меткой духов чумы помечен
Ты чумной теперь
Смейся и пой*

– Носои? – Перси принял боевую стойку. – Знаешь, я вот постоянно думаю, что в греческой мифологии уже не осталось существ, которых бы я не убивал. Но список, похоже, бесконечен.

– Меня же ты еще не убил, – заметил я.

– Не соблазняй.

Неуклюже переваливаясь, три носои шли через сад. Зияющие темными провалами рты. Свисающие языки. Затянутые желтоватой слизистой пленкой глаза.

– Эти твари – не мифические, – сказал я. – Конечно, в тех древних мифах большинство историй подлинные. Кроме истории про то, как я содрал заживо кожу с сатира Марсия. Вот это – совершеннейшая ложь.

Перси взглянул на меня удивленно:

– Что, что ты сделал?

– Ребята. – Мэг подняла с земли сухую ветку. – Может, поговорим об этом позже?

– Аполлоооо... – проговорил средний чумной дух. Голос был булькающий, как у простудившегося тюленя. – Мы пришли...

– Постой-ка. – Я сложил руки на груди и принял надменно-безразличный вид. (Было нелегко, но у меня получилось.) – Вы пришли, чтобы отомстить мне? – Я посмотрел на своих друзей-полубогов. – Тут вот какое дело. Но-сои – духи болезни. С самого рождения распространение болезней стало частью моей работы. Пользуясь зараженными стрелами, я наказывал непослушных чумой, стопой атлета... ну и все такое.

– Какая гадость, – фыркнула Мэг.

– Кто-то же должен это делать! – не согласился я. – И уж лучше бог, руководствующийся правилами Совета Олимпа и имеющий соответствующее разрешение, чем орда неконтролируемых духов вроде вот этих.

– Мы пытаемся воспользоваться моментом. Перестань перебивать! Мы желаем быть свободными, бесконтрольными...

– Да, знаю. Вы меня уничтожите. А потом разнесете по всему свету тучу всяческих болезней. Вы стремитесь к этому с тех пор, как Пандора выпустила вас из того ящика. Но у вас ничего не получится. Я вас сразу!

Кто-то, может быть, удивляется, что я держался так уверенно и спокойно, но на самом деле меня трясло от страха. Все мои инстинкты шестнадцатилетнего мальчишки кричали одно: БЕГИ! Дрожали коленки, правый глаз дергался от противного тика.

Но, когда имеешь дело с чумными духами, говорить нужно так, чтобы со стороны казалось, будто ты бесстрашен и полностью владеешь собой. Я рассчитывал, что, занимая носои разговорами, даю своим спутникам время придумать какой-нибудь хитрый план моего спасения. И я определенно надеялся, что Мэг и Перси именно этим и заняты.

Дух справа оскалил гнилые зубы.

– Чем ты нас сразишь? Где твой луууук?

– Тебе кажется, что его нет, – согласился я. – Но так ли это на самом деле? Что, если он хитроумно спрятан под этой вот футболкой с «Лед Зеppelin» и я сейчас выхвачу его и перестреляю вас всех?

Носои смешались, но потом средний снова подал голос:

– Тыыыы лжешь.

– Э... кхм... – прокашлялся Перси. – Послушай, Аполлон...

Наконец-то!

– Знаю, знаю. Ты хочешь сказать, что вы с Мэг придумали заковыристый план, как задержать духов, чтобы я успел добежать до лагеря. Жаль, конечно, что вы пожертвуете собой, но...

– Я не то хотел сказать. – Перси поднял меч. – Как думаешь, что будет, если порубить этих болванов небесной бронзой?

Средний дух презрительно фыркнул, и его желтые глаза блеснули.

– Меч такой маленький. В нем нет поэзии большой эпидемии.

– Стойте где стоите! Нельзя претендовать одновременно и на поэзию, и на чуму!

– Ты прав, – сказал дух. – Хватит слоооов.

Троица снова заковыляла вперед. Я вытянул руки, надеясь стереть их в пыль. Ничего не случилось.

– Это невыносимо! – пожаловался я. – И как только полубоги обходятся без автопобедной силы?

Мэг ткнула своей веткой в ближайшего духа, и ветка застряла у него в груди. Сверкающий дым закружился и побежал по дереву.

– Брось! – предупредил я. – Не дай нососу дотронуться до тебя!

Девчонка выпустила ветку и проворно отскочила.

Между тем в бой вступил и Перси Джексон. Размахивая мечом, он успешно отражал наскоки духов, но его атаки успеха не приносили. Стоило клинку коснуться нососа, как тело последнего растворялось до состояния тумана, а потом снова уплотнялось.

Когда один из троички попытался схватить Перси, Мэг схватила с земли мерзлый, почерневший персик и запустила с такой силой и меткостью, что фрукт вцепился в лоб духа, повергнув его навзничь.

– Пора рвать, – решила она.

– Да, – согласился, отступая к нам, Перси. – Мне эта мысль нравится.

Я знал – от чумных духов не убежать. Будь все так просто, средневековые европейцы натянули бы шиповки и умчались от Черной смерти. (И, к вашему сведению, никакой вины за Черную смерть на мне нет. Я взял тогда годичный отпуск – поваляться на пляжах в Кабо, – а когда вернулся, обнаружил, что носои вырвались на свободу и треть населения континента мертва. Такая досада!)

Но сейчас было не до споров. Мэг и Перси уже бежали по саду, и я последовал за ними.

Перси вытянул руку в направлении гряды холмов примерно в миле от нас.

– Это западная граница лагеря. Если только доберемся туда...

Мы миновали тягач с прицепом, на котором покоилась цистерна с водой. Перси взорвал ее, небрежно щелкнув пальцами, и поток воды преградил путь преследователям.

– Ловко, – ухмыльнулась Мэг, скача в своем зеленом платье. – Доберемся!

Нет, подумал я, не доберемся.

В груди горело. Дыхание вырывалось с хрипом и свистом. Меня злило, что эти два полубога могут еще и переговариваться на бегу, тогда как я, бессмертный Аполлон, похож на задыхающегося сома.

– Нет... – Я хватал воздух открытым ртом. – Они просто...

Прежде чем я успел закончить, три сияющие дымовые колонны взметнулись перед нами с земли. Два духа уплотнились до состояния трупов – у одного во лбу красовался, словно третий глаз, персик, у другого в груди застряла сухая ветка.

Третий дух...

Увы, Перси не увидел его вовремя и вбежал прямо в столб дыма.

– Не дыши! – успел предупредить я.

Он вытаращился, словно спрашивая, *что, серьезно?* А потом упал на колени и вцепился в горло. Сын Посейдона, Перси, наверно, мог дышать под водой, но задерживать дыхание на неопределенно долгое время совсем другое дело.

Мэг схватила из-под дерева еще один сморщенный плод, но он не мог предложить ей надежной защиты от превосходящих сил тьмы.

Я попытался прикинуть, как помочь Перси, но подвергся нападению пронзенного веткой духа и, бросившись наутек, наткнулся на дерево. Мне бы и хотелось сказать, что столкновение было частью плана, но даже я, со всем моим поэтическим даром, не смог обнаружить в нем ничего позитивного. Очнувшись, я обнаружил, что лежу на спине, перед глазами плавают круги, а сверху на меня смотрит омерзительный чумной дух.

– И какой же смертельной болезнью мне убить великого Аполлооона? – пробулькал дух. – Сибирской язвой? Эболой...

– Заусеницы, – предложил я, пытаюсь отползти от своего палача. – Я живу в страхе перед ними.

– Есть ответ! – воскликнул носос, бесцеремонно игнорируя мои старания. – Попробуем! С этими словами он рассеялся в дым и навис надо мной сияющим одеялом.

8

*Персики в бою
Дальше некуда
Взрыв мозга*

Не могу сказать, что вся жизнь пролетела перед глазами.

Если бы так, это заняло бы несколько месяцев, и я наверняка успел бы придумать план побега. Нет, пролетели только сожаления. Да-да, даже мне, созданию восхитительному в своем совершенстве, есть о чем сожалеть. Я вспомнил тот день в студии на Эбби-роуд, когда движимый завистью, внес вражду и раздор в сердца Джона и Пола и расколол «Битлз». Вспомнил, как на поле сражения Трои пал Ахилл, сраженный стрелой подлого лучника – из-за моего гнева.

Пред моим внутренним взором предстал Гиацинт, красавец с бронзовыми плечами и сияющими под солнцем темными выющимися локонами. Стоя на краю поля, он послал мне ослепительную улыбку. *Даже ты не сможешь бросить диск так далеко.*

Смотри, сказал я и метнул диск, а потом с ужасом увидел, как порыв ветра необъяснимым образом направил снаряд в прекрасное лицо друга.

И, конечно, я увидел *ее* – другую любовь моей жизни. Увидел, как ее чудесная кожа превращается в кору, волосы – в зеленые листья, а глаза – в застывшие озера сока.

Такой болью отозвались эти воспоминания, что я бы даже принял за избавление от муки опускающийся на меня сияющий чумной туман.

Но моя новая, смертная, сущность воспротивилась этому. Я еще слишком молод, чтобы умирать! У меня еще не было первого поцелуя! (Да, в моем божественном каталоге бывших красивых людей побольше, чем в списке гостей на вечеринке у Ким Кардашьян, но все они были сейчас не в счет.)

И тут, если уж быть честным до конца, я должен кое в чем признаться: все боги боятся смерти, даже тогда, когда мы заключены в смертные формы. Кому-то это может показаться глупостью – ведь мы же бессмертны. Но, как вы уже видели, бессмертность могут и отнять. (В моем случае целых три раза.)

Богам знакомо увядание. Знаком уход в забвение. Сама мысль о небытии вселяет в нас ужас. Вообще-то – да, Зевсу не понравится, что я делюсь этой информацией, и если вы расскажете кому-то, я буду все отрицать – мы, боги, немного даже изумляемся вам, смертным. Вы живете, зная, что неизбежно умрете. Не важно, сколь много у вас друзей и родственников, ваше недолгое существование быстро забудут. Как вы миритесь с этим? Как справляетесь? Почему не предаетесь отчаянию, не сходите с ума и не рвете на себе волосы? Ваше бесстрашие, надо признать, достойно восхищения.

Так о чем я?

Да, верно. Я умирал.

Затаив дыхание, я вертелся в грязи, пытался отвести опускающееся чумное облако, но это было куда труднее, чем прихлопнуть муху или обнаглевшего смертного.

Краем глаза я увидел Мэг, сцепившуюся в смертельной игре в салки с третьим духом и отчаянно старавшуюся укрыться от него за персиковым деревом. Она крикнула мне что-то, но ее голос прозвучал как будто издалека.

Слева вдруг дрогнула земля, и тут же из нее ударил миниатюрный гейзер. Напрягая последние силы, Перси подполз к источнику, сунул лицо в воду и смыл дым.

Свет начал меркнуть в глазах.

Перси поднялся на ноги, вырвал из земли оросительную трубу – она и была источником гейзера – и направил струю воды в мою сторону. Вообще-то я не люблю таких вот водных

процедур. Каждый раз, когда мы с Артемидой бываем в походе, она норовит разбудить меня, вылив ведро ледяной воды. Но сейчас я не имел ничего против этого обливания.

Вода смыла дым. Я отвернулся, хватая ртом воздух. Поблизости два газообразных неприятеля превратились в жалкие, промокшие трупы, желтые глаза которых светились злобой и раздражением.

Мэг снова что-то крикнула. На этот раз я разобрал ее слова.

– ЛОЖИСЬ!

Призыв показался мне неуместным и даже отчасти неуважительным, поскольку я только что поднялся. По всему саду отрывались от земли и левитировали замерзшие, почерневшие остатки урожая.

Поверьте, за четыре тысячи лет мне довелось повидать немало странного и чудного. Я видел мечтательный лик Урана, выложенный звездами в небе, и ярость неистово мечущегося по земле Тифона. Видел, как люди превращаются в змей, а муравьи в людей. Видел, как вполне разумные в прочих отношениях мужчины и женщины выплывают макарену.

Но никогда еще не видел я восстания замерзших фруктов.

Мы с Перси грохнулись на землю – персики летали по всему саду, рикошетом, словно черные бильярдные шары, отскакивая от деревьев и разрывая в клочья трупные тела но-сои. Останься я стоять, меня убило бы на месте, но Мэг стояла, спокойная и бесстрашная, и мерзлые плоды со свистом проносились мимо, огибая ее.

Изрешеченные до дыр, все три носои пали. И вслед за ними попадали обезумевшие фрукты.

Перси поднял голову. Глаза у него покраснели и распухли.

– Что это такое было?

Язык у него немного заплетался – похоже, избежать воздействия чумного облака ему все же не удалось, – но он, по крайней мере, остался жив. В общем, это был хороший знак.

– Не знаю, – признался я. – Мэг, с тобой все в порядке?

Замерев на месте, она с изумлением оглядывала последствия буйства фруктов, растерзанные трупы, сломанные и разбросанные ветки.

– Я... я не уверена.

– Как ты это сделала? – прохрипел Перси.

Девчонка в ужасе посмотрела на него:

– Это не я! Я просто знала, что так будет.

Один из кадавров зашевелился и даже поднялся, вихляя на продырявленных ногах.

– Это сделала тыыыы, – проворчал он. – Тыыыы сильная, девочка.

Два других трупа тоже поднялись.

– Но и твоей силы мало, – сказал второй. – Сейчас мы с вами покончим.

Третий осклабился, явив гнилые зубы.

– Твой опекун ооооочень огорчится.

Опекун? Может быть, дух имел в виду меня? В сомнительных случаях я обычно предполагаю, что речь идет обо мне.

Мэг побледнела, словно ее ударили в живот. Руки у нее задрожали. Топнув ногой, она крикнула:

– НЕТ!

Теперь в воздухе закружилось еще больше персиков и груш. Только на этот раз они слепились в некий пылевой вихрь, но не песчаный, а фруктовый, и перед Мэг возникло существо, напоминающее пухленького ребенка в одном подгузнике. На спине у него выступали крылышки из покрытых листьями веток. Детское личико было бы даже привлекательным, если бы не мерцающие зеленые глаза и заостренные клыки. Существо зарычало и защелкало зубами.

– Ох, нет. – Перси покачал головой. – Терпеть не могу такие штуки.

Три носои тоже не обрадовались и отступили от рычащего ребенка.

– Что это? – удивленно спросила Мэг.

Я недоверчиво взглянул на нее.

Устроив всю эту фруктовую неразбериху, она выглядела столь же шокированной, как и мы. К сожалению, если Мэг не знала, как вызвала странное создание, то не знала и как его отослать. Я же, подобно Перси Джексону, не принадлежал к числу поклонников *карпои*³.

– Зерновой дух. – Я постарался не допустить в голос нотки паники. – Персиковые мне не попадались, но если он такой же злобный, как и прочие...

Я уже собирался сказать, что мы обречены, но это представлялось очевидным и прозвучало бы гнетуще.

Малыш повернулся к носои, и на мгновение мне стало не по себе – а вдруг он заключит с ними дьявольский альянс, создаст ось зла между болезнями и фруктами.

– Не вмешивайся, – предупредил средний, с персиком во лбу, кадавр и попятился. – Мы не позвооооолим...

Фруктовый ребенок бросился на духа и откусил ему голову.

В прямом, не фигуральном смысле. Клыкастый рот раскрылся, растянулся до окружности невероятного диаметра, а потом сомкнулся вокруг головы духа и с хрустом ее откусил. За раз.

Ох... Надеюсь, вы читали это не за обедом.

В считанные секунды носос был разорван в клочья и проглочен.

Два других, что вполне понятно, отступили, но злобный малыш припал к земле, изготовился и прыгнул. Приземлившись на второго кадавра, он тут же взялся за дело и принялся рвать его на кусочки, словно собирался приготовить кашку с вкусом чумы.

Последний дух растворился в дым и попытался улететь, но персиковый малый расправил свои зеленые крылышки и устремился в погоню. Раскрыв рот, он вдохнул беглеца – всего, до последнего клубочка дыма – и проглотил. После чего вернулся и, представ перед Мэг, рыгнул. Его зеленые глаза мерцали, и выглядел он вполне бодрым и здоровым, чему я, в общем, не удивился, поскольку человеческие болезни фруктовые деревья не заражают. Более того, сожрав целых трех носои, малыш выглядел голодным.

– Персики! – взвыл он и ударил себя в маленькую грудь.

Перси медленно поднял меч. Лицо его оставалось припухлым, из покрасневшего носа текли сопли.

– Не двигайся, – просипел он. – Сейчас я...

– Нет! Не трогай его, – запротестовала девочка и осторожно положила ладонь на кудрявую головку. – Ты спас нас. Спасибо.

Я уже начал составлять в уме список целебных трав для регенерации членов, но, как ни странно, малыш не откусил ей руку. Мало того, он обхватил ногу Мэг, с вызовом посмотрел на нас и угрожающе прорычал:

– Персики.

– Ты ему нравишься, – заметил Перси. – Хм... с чего бы?

– Не знаю. И я его не вызывала. Честно.

Что это она его вызвала – намеренно или нет, – я не сомневался. Появились и кое-какие мысли насчет ее божественного родителя, а также вопросы касательно опекуна, о котором упомянули духи, но я решил, что расспросить Мэг лучше потом, когда рядом не будет злобно рыкающего, прожорливого дитяти.

– Как бы там ни было, мы обязаны карпосу тем, что остались в живых, – сказал я. – Кстати, вспомнилось одно старинное выражение: персик в день съел – дух чумной улетел! Я сам его сочинил. Давным-давно.

³ Карпои – форма мн. ч., в ед. ч – карпос.

Перси чихнул.

– По-моему, там про яблоко и врачей говорилось.

Карпос зашипел.

– Или о персиках, – поправился Перси. – Они тоже помогают.

– Персики, – согласился малыш.

Перси вытер нос.

– Не хочу сказать ничего плохого, но почему он постоянно повторяет одно и то же слово? Как тот парень в фильме...

– Боюсь, тот фильм прошел мимо меня, – сказал я. – Но у этого карпоса действительно весьма... таргетированный лексикон.

– Может, это его имя – Персик. – Мэг погладила малыша по каштановым кудрям, на что тот отозвался довольным горловым урчанием. – Я его так буду звать.

– Стоп, ты же не собираешься усыновлять этого... – Перси чихнул с такой силой, что за спиной у него взорвалась еще одна труба, и из земли ударил ряд крошечных гейзеров. – Кхе-кхе. Простудился.

– Тебе повезло. Этот твой трюк с водой растворил силу духа. Вместо смертельной болезни ты всего лишь подхватил насморк.

– Терпеть не могу насморк. – Его зеленые радужки как будто окунулись в море крови. – А из вас никто не заболел?

Мэг покачала головой.

– Меня, несомненно, спасла великолепная конституция, – сказал я.

– А еще вода, которой я смыл с тебя дым, – напомнил Перси.

– Ну... да.

Перси уставился на меня, как будто чего-то ждал. Пауза получилась немного неловкая, а потом я подумал, что, будь он богом, а я смертным, он, возможно, ожидал бы благодарности.

– Э... спасибо.

Перси кивнул:

– Не стоит.

Немного полегчало. А что бы я делал, если бы он потребовал жертвоприношения? Белого быка, к примеру, или тучного тельца?

– Теперь-то мы можем идти? – спросила Мэг.

– Отличная идея. Только, боюсь, Перси не в том состоянии...

– Я вас подброшу, тут недалеко, – сказал Перси. – Если, конечно, мы вытащим мою застрявшую машину. – Он посмотрел в сторону вклинившегося между деревьями «Приуса», и лицо его приняло уж совсем несчастное выражение. – О, Аид... нет...

У обочины дороги появился патрульный автомобиль.

Я представил, как взгляд полицейского ползет по следу колес, который ведет к прорванной ограде, и дальше, к голубой «Тойоте-Приусу», вклинившейся между двумя персиковыми деревьями.

– Отлично, – проворчал Перси. – Если они заберут «Приус», мне крышка. Им и мама пользуется, и Пол.

– Иди и поговори с ними, – предложил я. – Нам от тебя, в твоём нынешнем состоянии, все равно пользы мало.

– Правильно, – поддержала меня Мэг. – Говоришь, лагерь сразу за теми холмами?

– Да, но... – Перси насупился, возможно, пытаясь шевелить мозгами в простуженной голове. – Большинство попадают в лагерь с востока, где Холм полукровок. С востока – холмы и леса под сильной магической защитой. Там нужно быть внимательным, иначе заблудишься... – Он снова чихнул. – Не уверен, что даже Аполлон сумеет попасть туда как смертный.

– Попаду. – Я добавил уверенности. Ничего другого не оставалось. Если не удастся войти в Лагерь полукровок... Нет. На меня напали уже дважды. И это в первый день. Запасного плана, как остаться в живых, нет.

Дверца патрульной машины открылась.

– Иди, – подогнал я Перси. – Мы проберемся через лес. Объясни полицейским, что болен, что потерял управление. Думаю, они будут к тебе благосклонны.

Перси рассмеялся:

– Ага. Копы любят меня почти так же сильно, как учителя. – Он посмотрел на Мэг. – Ты точно в порядке с этим фруктовым демоном?

Персик заворчал.

– В порядке. Поезжай домой. Отдохни. Побольше пей.

Перси усмехнулся:

– Это ты сыну Посейдона советуешь побольше пить? О'кей, постарайтесь дожить до следующего уик-энда, ладно? А там я приеду, если смогу, и проверю, как вы. Будьте осторожны и... АППЧХИИ!

Он устало выругался и коснулся меча колпачком, превратив его снова в обычную шариковую ручку. Мера предосторожности отнюдь не была лишней, поскольку силы правопорядка, чихая и шмыгая носами, спускались по склону холма.

– Офицер? – подал голос Перси. – Извините, вы не подскажете, где Манхэттен?

Мэг повернулась ко мне:

– Готов?

Я промок и дрожал от холода. В моей долгой истории этот день был худшим. Я оказался в компании девчонки-пугала и жуткого персикового малыша и был готов ко всему. Но мне также нужно было во что бы то ни стало попасть в лагерь. Там я мог найти друзей или даже восторженных поклонников, которые поднесут мне очищенный от кожицы виноград, печенье «орео» и другие священные дары.

– Конечно, идем.

Персик хрюкнул и, жестом показав следовать за ним, резво потрусил к холмам. Может, он знал дорогу. Может, всего лишь хотел привести нас к ужасной смерти.

Девчонка поскакала за ним, раскачиваясь на ветках и прокатываясь по замерзшим лужицам – в зависимости от того, куда влекло ее настроение.

Посторонний мог бы подумать, что мы возвращаемся с приятно проведенного пикника, а не вырвались из смертельной схватки с чумными кадаврами.

Я посмотрел в небо.

– Ты уверен, Зевс? Еще не поздно сказать, что все это розыгрыш, и отозвать меня на Олимп. Я извлек урок. Больше не буду.

Серое, затянутое зимними тучами небо не ответило. Я вздохнул и поспешил за Мэг и ее новым смертоносным миньоном.

9

*Прогулка в лесу
Голоса с ума сводят
Ненавижу спагетти*

Я облегченно вздохнул:

– Дальше будет легко.

Да, то же самое я сказал перед тем, как сошелся в рукопашной схватке с Посейдоном. Тогда легко не получилось. Тем не менее наш маршрут до Лагеря полукровок представлялся достаточно простым. Прежде всего, порадовало, что я могу видеть лагерь, поскольку обычно он защищен от глаз смертных. Если вижу, то и войти сумею.

С того места, где мы стояли – на вершине холма, – нам открывалась вся долина: около трех квадратных миль леса, полянок и земляничных полей, ограниченных с севера Лонг-Айлендом и невысокими холмами с трех других сторон. Прямо под нами западную треть долины покрывал густой вечнозеленый лес.

За лесом, в холодном зимнем свете мерцали постройки Лагеря полукровок: амфитеатр, арена для фехтования, открытый обеденный павильон с белыми мраморными колоннами. По озеру плыла трирема. Двадцать домиков окружали центральную зеленую лужайку, на которой полыхал костер.

На краю земляничной поляны стоял Большой дом: четырехэтажное строение в викторианском стиле, выкрашенное в небесно-голубой цвет с белой окантовкой. Там будет и мой друг Хирон – у камина, с чашечкой чаю. Там я наконец-то найду убежище. Там меня ждет приют.

Мой взгляд скользнул вверх, к дальней стороне долины, где, на самом высоком холме, сияла во всем своем великолепии – золото и алебастр – Афина Парфенос. Когда-то эта внушительная статуя украшала Парфенон в Греции. Теперь она возвышалась над Лагерем полукровок, защищая долину от вторжения чужих. Даже на этом расстоянии я ощущал ее силу как инфразвуковой гул мощного двигателя. Сероглазая Старушка, бессменная стражница, бдительная, суровая, деловитая.

Лично я установил бы статую поинтереснее – мою собственную, к примеру. И тем не менее Лагерь полукровок представлял собой внушительное зрелище. Настроение сразу улучшилось, стоило только увидеть этот островок былого, напоминание о добрых старых временах, когда смертные знали, как строить храмы, и возносили жертвы на костер. Эх, как же лучше было все в Древней Греции! Ну, может быть, кроме некоторых мелких усовершенствований, внесенных современными людьми, – Интернета, шоколадных круассанов, продолжительности жизни.

Моя спутница замерла с разинутым ртом.

– А я про это место и не слышала, как же так? Билеты покупать надо?

Я ухмыльнулся. Просвещение невежественных смертных – дело приятное, и я никогда не упускал такой возможности.

– Видишь ли, долина замаскирована магическими границами. Снаружи большинство людей видят только скучные сельхозугодья. Кто подойдет ближе, того развернет, и он снова пойдет блуждать. Можешь мне поверить – я знаю, о чем говорю. Сам однажды пытался организовать доставку пиццы в лагерь. Та еще досада.

– Ты заказывал пиццу?

– Неважно. Что касается билетов... Да, всяких разных в лагерь действительно не пускают, но тебе повезло. Я знаком с начальством.

Персик зарычал, обнюхал землю, сунул в рот пригоршню грязи и тут же выплюнул.

– Похоже, здешний вкус ему не по вкусу, – сказала Мэг.

– Да, ну... – Я неприязненно взглянул на карпоса. – Вот придем и попробуем найти ему участок или какое-нибудь удобрение. Попрошу полубогов, чтобы его впустили, но было бы неплохо, если бы он не откусывал им головы – по крайней мере не с самого начала.

Персик пробормотал что-то насчет персиков.

– Что-то здесь не так. – Мэг снова взялась за ногти. – Этот лес... Перси сказал, что он дикий и заколдованный.

Я тоже ощутил какое-то беспокойство, но списал его на мое, в целом, неприязненное отношение к лесам. По причинам, вдаваться в которые мне бы не хотелось, лес для меня – место... неудобное. Тем не менее мой обычный оптимизм быстро вернулся – в конце концов, цель была перед нами, на виду.

– Не беспокойся, – уверил я свою спутницу. – Ты путешествуешь с богом!

– Бывшим богом.

– Мне бы хотелось, чтобы ты не твердила тупо одно и то же. В любом случае обитатели лагеря всегда дружелюбны. Нас встретят со слезами радости. И подожди, пока увидишь ознакомительный фильм!

– Что?

– Я сам его срежиссировал! Ладно, пошли. Ничего такого плохого в этом лесу нет.

Такого плохого в лесу хватало.

Едва мы ступили под его сень, как деревья будто сдвинулись, обступая нас. Стволы сомкнули ряды, блокируя старые тропинки и открывая новые. Корни сплелись узлами, выступили кочками, превратив маршрут в полосу препятствий. Мы шли, казалось, по громадному блюду спагетти. При мысли о спагетти проснулся голод. Совсем недавно, несколько часов назад, мы ели в доме Салли Джексон семислойный соус и сэндвичи, но мой желудок уже сжимался и требовал пищи. Да и звуки темной, пугающей чащи тоже действовали на нервы. Даже карпос уже не вызывал раздражения, а его запах напоминал о коблере и мороженом.

Как я уже говорил раньше, теплых чувств лес у меня не вызывает. Приходилось постоянно убеждать себя, что деревья за нами не наблюдают, не хмурятся и между собой не перешептываются. Что они – просто деревья. И даже если в них есть духи дриад, эти дриады вряд ли могут винить меня за то, что случилось тысячи лет назад на другом континенте.

«А почему нет? – спросил я себя. – Ты-то себя виновным считаешь до сих пор».

Тут я сказал себе заткнуться.

Время пошло уже на часы. Обычно путь до Большого дома занимал меньше. Вообще-то я ориентируюсь по солнцу, что и неудивительно, когда тысячелетиями раскатываешь по небу, но под пологом ветвей свет рассеивался, а тени путались.

После того как мы в третий раз прошли мимо одного и того же валуна, я остановился и признал очевидное.

– Понятия не имею, куда мы забрели.

Мэг хлопнулась на поваленное дерево. В зеленом свете она еще больше походила на дриаду, хотя эти лесные духи не часто носят красные кеды и поношенные флисовые куртки.

– А как у тебя с навыками выживания? – спросила она. – Читать по мху на деревьях? Отыскивать следы?

– Нет, этим у меня сестра занимается.

– Может, Персик сумеет помочь. – Мэг повернулась к карпосу: – Эй, можешь вывести нас из леса?

Несколько последних миль карпос нервно бормотал что-то, то и дело бросая по сторонам взгляды. Теперь он принялся, и его ноздри задрожали. Он склонил набок голову, и

лицо вдруг вспыхнуло зеленым. Страдальчески тявкнув, зубастый малыш растворился в вихре листьев.

Мэг вскочила.

– Куда он подевался?

Я прошел взглядом по деревьям. Похоже, Персик поступил совершенно разумно. Почуял приближающуюся опасность и сбежал. Но делиться с Мэг своим подозрением я не стал. Она уже успела проникнуться к нашему спасителю теплыми чувствами. (Смешно – так привязаться к маленькому, опасному существу. С другой стороны, мы, боги, бывает, тоже привязываемся к людям, так что критика здесь неуместна.)

– Может, отправился на разведку, – предположил я. – Может, нам стоит...

«АПОЛЛОН».

Голос прогремел в голове, как будто кто-то установил у меня за ушами акустические колонки «Боуз». И говорило определенно не мое собственное сознание. Оно не женщина и не такое громкое. Однако же что-то в тоне голоса казалось смутно знакомым.

– В чем дело? – спросила Мэг.

Воздух проникся тошнотворной сладостью. Деревья нависли надо мной, словно волосы венеериной мухоловки.

По щеке скатилась капелька пота.

– Нам нельзя здесь оставаться, – сказал я. – Внимай мне, смертная.

– Извини, не поняла?

– Э, в смысле... идем!

И мы побежали – спотыкаясь о корни, слепо, наугад, по лабиринту из веток и валунов. Путь нам преградил бежавший по каменистому ложу чистый поток. Едва замедлив шаг, я ступил по щиколотку в ледяную воду.

«НАЙДИ МЕНЯ», – снова произнес голос.

Теперь он прозвучал так громко, что прошел мой лоб, словно железнодорожный костыль. Я пошатнулся и упал на колени.

– Эй! – Мэг схватила меня за руку. – Поднимайся!

– Ты разве не слышала?

– Не слышала что?

«ПАДЕНИЕ СОЛНЦА», – прогремел голос. – ПОСЛЕДНИЙ СТИХ».

Я рухнул лицом в поток.

– Аполлон! – В голосе Мэг зазвенела тревога. Она перевернула меня на спину. – Ну! Вставай! Я же не могу тебя тащить!

Она все-таки попыталась. Тянула меня через реку, браня и ругаясь, пока наконец я, с ее помощью, не выполз на берег.

Я лежал на спине, всматриваясь испуганно в полог леса. Промокшая в ледяной воде одежда горела. Я трясся, как открытая струна Е на электрической бас-гитаре.

Мэг стащила мою мокрую зимнюю куртку. Ее куртка была слишком мала для меня, но она все же натянула мне на плечи сухой, теплый флис.

Мой смех прозвучал трескуче и ломко.

– Но я... я слышал...

«ПЛАМЯ МЕНЯ ПОГЛОТИТ. ПОТОРОПИСЬ!»

Голос раскололся хором злых шепотов.

Вытянулись и сгустились тени. Поднявшийся с одежды пар отдавал запахом вулканических газов Дельф.

Я хотел свернуться калачиком и умереть. Хотел вскочить и бежать, бежать на голоса, найти их источник. Хотя, наверно, случись такое, лишился бы рассудка навсегда.

Мэг что-то говорила. Трясла меня за плечи. Потом наклонилась – так близко, что из стекол ее «кошачьих» очков на меня уставилось мое собственное отражение – и наотмашь хлестнула по щеке. С трудом, но я все же разобрал ее приказ:

– ВСТАНЬ!

И я как-то встал. А потом согнулся, и меня вырвало.

Такого со мной не случалось давно, и я уже забыл, насколько это неприятно.

Потом мы шли куда-то. Брели. И я едва ли не висел на ней. Голоса шептали, спорили, рвали мой мозг на клочки и уносили их в лес. Я понимал, что скоро не останется ничего.

Ну и что. С таким же успехом можно уйти в лес и сойти с ума. Мысль эта показалась мне забавной. Я даже захихикал.

Мэг заставила меня идти дальше. Я не понимал слов, но тон был настойчивый и упрямый, и злость перевешивала ее собственный страх.

В этом состоянии расколотого сознания до меня смутно доходило, что деревья расступаются перед нами, неохотно открывая дорогу из леса, а потом вдалеке загорелся костер на поляне Лагеря полукровок.

Мне пришло в голову, что девочка разговаривает с деревьями, приказывает им убраться с пути. Нелепость, но смешная. Судя по поднимавшемуся от одежды пару, температура у меня поднялась выше сорока.

Мы выбрались из чащи прямо к костру, вокруг которого с десятков подростков делали сморы⁴. Я истерически расхохотался, и они, увидев нас, поднялись. В джинсах и зимних куртках, с разноразмерным оружием на боку, они представляли собой самое суровое сборище любителей маршмэллоу, которое я когда-либо видел.

– Приветик! Я – Аполлон!

Глаза закатились, и я вырубился.

⁴ Десерт, который в американских детских лагерях едят по вечерам у бивачного костра. Состоит из поджаренного маршмэллоу и куса шоколада, проложенных между крекерами.

10

*Автобус горит
Мой сын меня старше
Пожалуйста, Зевс, хватит*

Мне снилось, что я еду по небу на солнечной колеснице. С опущенным верхом – это «Мазерати». Еду, разгоняя клаксоном реактивные лайнеры, наслаждаясь запахом холодной стратосферы и пританцовывая под мою любимую песню «Поднимаюсь к Солнцу» группы «Алабама шейкс».

Я раздумывал над тем, как превратить «спай-дер» в беспилотный автомобиль Гугл. Хотел достать свою лютню и выдать такое зажигательное соло, которым возгордилась бы Бриттани Ховард.

Потом на пассажирском сиденье возникла какая-то женщина.

– Надо поспешить, дружок.

Я едва не выпрыгнул из солнечной колесницы.

Гостья была одета как древнеливийская царица. (Знаю, потому что встречался с некоторыми из них.) На ее платье сплелись черные, красные и золотые цветочные узоры. Длинные черные волосы украшала тиара, напоминавшая изогнутую миниатюрную лестницу – две золотые стойки, соединенные серебряными перекладинами. Лицо – зрелое, исполненное достоинства, каким ему и полагается быть у великодушной правительницы.

Значит, определенно не Гера. К тому же Гера никогда бы не улыбнулась мне так мило. И еще... На шее – большой металлический символ мира, что никак не соответствует стилю Геры.

Тем не менее я чувствовал, что знаю ее. Несмотря на ассоциации со стареющей хиппи, она была столь привлекательна, что я предположил наличие между нами родственной связи.

– Кто ты?

Ее глаза опасно полыхнули золотом, как у хищницы семейства кошачьих.

– Следуй за голосами.

В горле застрял комок. Я попытался обдумать ситуацию логически, но мозг как будто только что побывал в блендере.

– Я слышал тебя... в лесу. Что это было? Пророчество?

– Найди ворота. – Она схватила меня за руку. – Прежде ты должен найти их. Дошло?

– Но...

Женщина полыхнула яркой вспышкой и исчезла. Я взглянул на обожженное запястье и крепко сжал колесо – солнечная повозка клюнула носом и сорвалась в пике. «Мазерати» вдруг превратился в школьный автобус – я пользовался им, когда приходилось перевозить много людей. Кабину заполнил дым. За спиной гнусавый голос произнес:

– Найди ворота... любой ценой.

Я глянул в зеркало заднего вида и за дымной пеленой увидел тучного мужчину в лиловом костюме. Развалившись, он сидел на заднем сиденье, где обычно кучкуются разного рода смутьяны. Это место особенно нравилось Гермесу, но мой новый гость не был Гермесом.

Безвольный подбородок, слишком большой нос, борода, обнимающая двойной подбородок, словно ремешок шлема. Волосы, как у меня, курчавые и темные, но не взъерошенные модно и без роскошного блеска. Губы скривил, словно унюхал что-то неприятное. Может быть, запах горящих сидений автобуса.

– Кто ты? – отчаянно крикнул я, изо всех сил стараясь вывести колесницу из пике.

Пассажир улыбнулся, отчего его лицо сделалось еще отвратительнее.

– Предок не узнает потомка? Какая боль!

Я постарался вспомнить, но мой мозг смертного был слишком мал. Память четырех тысяч лет оказалась для него непосильным грузом, и он предпочел избавиться от нее как от ненужного балласта.

– Нет, не узнаю. Извини. Мне жаль.

Пассажир рассмеялся, хотя язычки пламени уже лизали лиловые рукава костюма.

– Сейчас тебе не жаль, но ты еще пожалеешь. Найди ворота. Отведи меня к оракулу. С удовольствием его сожгу!

Солнечная колесница устремилась к земле, и меня поглотило пламя. Сжав колесо управления, я с ужасом увидел за ветровым стеклом огромное бронзовое лицо. Лицо незнакомца в лиловом костюме. Мы подлетели к нему почти вплотную, и тогда черты его изменились, и я узнал... себя.

Я проснулся в лихорадочной дрожи, мокрый от пота.

– Полегче. – Чья-то рука легла на мое плечо. – Не пытайся сесть.

Разумеется, я попытался.

У кровати стоял парень примерно моего возраста – возраста Лестера Пападопулоса, – с буйными блондинистыми волосами и голубыми глазами. На нем был медицинский халат и распахнутая лыжная куртка с вышитыми на кармане словами ГОРА ОКЕМО. На лице – загар, какой бывает обычно у лыжников. Что-то подсказывало, что я его знаю. (После падения с Олимпа это ощущение возникало у меня много раз.)

Я лежал на койке посредине комнаты. Слева и справа от меня вдоль стены стояли другие двухъярусные кровати. Потолок поддерживали грубо отесанные кедровые балки. Белые оштукатуренные стены оставались голыми, если не считать крючков для одежды и оружия.

Скромное жилище такого рода можно встретить едва ли не во все времена – в Древних Афинах, в средневековой Франции, в нынешней сельской Айове. В помещении пахло свежим, чистым бельем и сушеным шалфеем. Единственным украшением служили горшки на подоконнике с жизнерадостными желтыми цветками, буйно произраставшими вопреки холодной погоде за окном.

– Эти цветы... – Голос мой прозвучал хрипло, словно я надышался дымом во сне. – Они с Делоса, моего священного острова.

– Верно, – откликнулся юноша. – Они только там и растут, возле Седьмого дома. Твоего Дома. Узнаешь меня?

Я всмотрелся в его лицо. Спокойствие в глазах, легкая улыбка на губах, вьющиеся над ушами волосы... Смутно вспомнилась женщина, певица в стиле алыт-кантри, с которой я познакомился в Остине. Ее звали Наоми Солас. Даже теперь при мысли о ней щеки потеплели от прилившей крови. Для меня, тогда тинейджера, наш роман был чем-то, что я давным-давно видел в кино. Кино, смотреть которое не позволяли родители.

Парень определенно был сыном Наоми.

А значит, и моим сыном.

Странное ощущение.

– Ты – Уилл Солас. – Мой... э... мм...

– Да, – согласился Уилл. – Неловкая ситуация.

Лобная доля в голове сделала кувырок, и меня повело набок.

– Стой, держись. – Уилл помог мне выпрямиться. – Я пытался тебя исцелить, но, по правде говоря, не понимаю, что с тобой не так. У тебя кровь, а не ихор. Ты выздоравливаешь от ран быстрее, но твои жизненные показатели совершенно человеческие.

– Не напоминай.

– Ладно... – Он приложил ладонь к моему лбу и сосредоточенно нахмурился. Его пальцы слегка дрожали. – Я это понял, только когда попытался дать тебе нектар, и от губ пошел пар. А ведь мог бы и убить.

Я провел языком по нижней губе, онемевшей и, по ощущению, тяжелой. Не в этом ли объяснение моего сна о дыме и огне? Хорошо бы так.

– Надо думать, Мэг позабыла рассказать о моем состоянии.

– Надо думать. – Уилл взял меня за руку и проверил пульс. – Ты примерно моего возраста, лет пятнадцати или около того. Частота сердцебиений нормальная. Ребра заживают. Нос распух, но не сломан.

– У меня угри, – пожаловался я. – И жировые складки на животе.

Уилл склонил голову чуть набок.

– Ты смертный, а беспокоишься из-за угрей и складок?

– Ты прав. Я бессилен. Я слабее вас, жалких полубогов.

– Вот так. Спасибо...

Мне показалось, он едва не произнес «пап», но сумел сдержаться.

Воспринимать этого парня как своего сына я не мог, не сделав над собой некоторого усилия. Он был такой уравновешенный, такой скромный, и у него не было угрей. Да и мое присутствие, похоже, нисколько его не смущало. Я даже заметил, что уголок его рта чуть-чуть подрагивает.

– Тебе что, смешно?

Уилл пожал плечами.

– Можно смеяться, можно беситься. Мой отец, бог Аполлон, пятнадцатилетний...

– Шестнадцатилетний, – поправил я. – Начнем с этого.

– ...шестнадцатилетний смертный, лежит на кровати в моем домике, а я, при всем моем искусстве целителя – доставшемся от тебя, – не могу понять, как поставить тебя на ноги.

– Тут уж ничего не поделаешь, – горестно вздохнул я. – Меня сбросили с Олимпа. Моя судьба связана с девчонкой по имени Мэг. Хуже и быть не может!

Уилл снова рассмеялся, что показалось мне чрезмерной дерзостью.

– Мэг, по-моему, клевая. Уже отличилась – ткнула в глаз Коннору Стоуллу и заехала в пах Шерману Яну.

– Что-что?

– Она отлично здесь вписалась. Ждет тебя снаружи – с другими. – Уилл посерьезнел. – Так что приготовься, у них к тебе куча вопросов. Все спрашивают, связаны ли твоё прибытие и твоя нынешняя форма с тем, что происходит в лагере.

Я нахмурился.

– А что происходит в лагере?

Дверь домика открылась, и через порог переступили два полубога. Одним был высокий паренек лет тринадцати, с кожей цвета полированной бронзы и длинными волосами, заплетенными в косички, напоминающие спирали ДНК. В черном шерстяном бушлате и черных джинсах, он как будто сошел с палубы китобойного судна восемнадцатого века. Второй была девочка помладше, в оливкового цвета камуфляже. На плече у нее висел полный колчан, а короткие рыжие волосы она выкрасила в ярко-зеленый цвет, из-за чего смысл носить камуфляж определенно утрачивался.

Я улыбнулся, обрадовавшись, что помню их имена:

– Остин. И Кайла, да?

Вместо того чтобы упасть на колени, бормоча благодарности, они нервно переглянулись.

– Так это действительно ты.

Остин нахмурился.

– Мэг сказала, что тебя избили какие-то хулиганы. Сказала, что у тебя нет никаких божественных сил, а в лесу ты заистерил.

Вкус во рту напомнил сгоревшую обивку школьного автобуса.

– Она слишком много болтает.

– Но ты – смертный? – спросила Кайла. – Полностью смертный? Значит ли это, что я утрачу свои навыки стрельбы из лука? Я не смогу даже квалифицироваться на Олимпийские игры, пока мне не стукнет шестнадцать!

– А если я потеряю музыкальные... – Остин покачал головой. – Нет, не может быть. Мое последнее видео собрало пятьсот тысяч просмотров за неделю. И что мне тогда делать?

Умения и таланты, образ, просмотры на Ютьюбе – мои дети выбрали правильные приоритеты. У меня даже потеплело на сердце. Говорите о богах что хотите, называйте их безответственными родителями, но наши дети наследуют наши лучшие черты.

– Мои проблемы никак на вас не отразятся, – пообещал я. – Если бы Зевс начал отбирать божественные силы у всех моих потомков, опустела бы половина медицинских школ в стране. Исчез бы Зал славы рок-н-ролла. В одну ночь рухнула бы вся индустрия гаданий по картам Таро!

Остин заметно расслабился.

– Рад слышать.

– Значит, если ты умрешь смертным, мы не исчезнем? – спросила Кайла.

– Ребята, – вмешался Уилл, – бегите-ка в Большой дом и скажите Хирону, что наш... наш пациент пришел в сознание. Я приведу его через минуту. И попробуйте рассеять толпу снаружи, о'кей? Не хочу, чтобы все сразу накинудись на Аполлона.

Кайла и Остин поняливо кивнули. Будучи моими детьми, они, конечно, сознавали, как важно контролировать папарацци.

Как только дверь за ними закрылась, Уилл виновато улыбнулся.

– Они в шоке. Мы все в шоке. Привыкнем, разумеется, но какое-то время потребуется.

– Но ты-то, похоже, не шокирован.

Уилл тихонько рассмеялся:

– Я в ужасе. Но если чему и учишься, занимая должность старосты, так это тому, что ты сам должен держаться ради всех остальных. Давай-ка поставим тебя на ноги.

Это было не так-то легко. Два раза я падал. Кружилась голова, глаза горели так, будто их поджарили прямо в глазницах. Недавние сны кружили в голове, как речной песок, туманя мысли, – женщина с тиарой на голове и символом мира и мужчина в лиловом костюме. *Отведи меня к оракулу. С удовольствием его сожгу!*

Дышать в домике стало труднее, не хватало свежего воздуха.

В чем мы сходились с Артемидой, так это в том, что любым делом лучше заниматься под открытым небом. Музыку лучше исполнять под куполом небес. Стихи лучше читать на агоре. Стрелять из лука определенно предпочтительнее снаружи, что я могу подтвердить лично, после того как в первый и последний раз попытался попрактиковаться в отцовском тронном зале. О вождении солнечной колесницы и говорить не приходится – это уж точно не тот спорт, которым занимаются под крышей.

Опираясь на плечо Уилла, я переступил порог. Кайла и Остин с заданием справились – толпа перед домом разошлась. Единственным ожидающим – ликуй и восторгайся – была моя юная госпожа Мэг, определенно успевшая прославиться в лагере как Бьющая-в-пах Маккаффри.

Она так и осталась в том поношенном зеленом платье, что дала ей Салли Джексон, хотя выглядело оно теперь еще и слегка запачканным. На легинсах зияли дырки. Повязка на предплечье скрывала глубокую царапину, полученную, вероятно, в лесу.

Коротко взглянув на меня, Мэг поморщилась и высунула язык.

– Скверно выглядишь.

– А ты, как всегда, очаровательна.

Она поправила очки, добившись того, что они перекозились до невозможности.

– Думала, ты не выживешь.

– Рад тебя разочаровать.

– Не-а. – Она пожала плечами. – За тобой по-прежнему год службы. Мы связаны, хочешь ты того или нет.

Я вздохнул. Как же приятно снова оказаться в ее компании.

– Мне, наверно, надо поблагодарить тебя. – В памяти остались смутные обрывки: мой бред... Мэг тащит меня через лес... деревья как будто расступаются перед нами... – Как ты нашла выход?

На ее лице появилось настороженное выражение.

– Не знаю. Удача вывела. – Она ткнула пальцем в Уилла Соласа. – Судя по его рассказам, нам повезло, что выбрались до темноты.

– Почему?

Уилл хотел было что-то сказать, но передумал.

– Пусть лучше Хирон все объяснит. Идемте.

Я редко бывал в Лагере полукровок зимой. Последний раз три года назад, когда девушка по имени Талия Грейс при посадке бухнула мой автобус прямо в озеро.

Я думал, что увижу лагерь полупустым. Большинство полубогов приходят сюда только на лето, в школьное же время здесь остаются только те, для которых, по тем или иным причинам, это место – единственное безопасное, и только здесь они могут жить.

Меня, однако, поразило непривычное запустение. Судя по количеству спальных мест в Седьмом домике, каждый домик мог принять двадцать человек. Следовательно, максимальная вместимость лагеря – четыреста полубогов. Этого вполне хватило бы на несколько фаланг или на одну вечеринку на яхте.

Однако пока мы шли, я увидел не больше дюжины человек. В чахнущем свете заката лишь одна девушка взбиралась по стене со стекающей по обеим сторонам лавой. На берегу озера команда из трех человек проверяла оснастку триремы.

Кое-кто вышел на свежий воздух единственно чтобы поглазеть на меня. Сидевший у костра парень наблюдал за мной, глядя, как в зеркало, на щит, который он полировал. Другой, у дома Ареса, делал вид, что чинит ограду из колючей проволоки. Судя по неуклюжей походке, это и был Шерман Ян, получивший от Мэг между ног.

Две девицы у двери в дом Гермеса захихикали и принялись шептаться у меня за спиной. Обычно такого рода внимание нисколько меня не трогает. Понятно, что сопротивляться моему магнетизму невозможно. Но теперь у меня горело лицо. Я – мужской идеал романтики – превратился в застенчивого, неопытного мальчишку!

Я бы воззвал к небесам, протестуя против такой несправедливости, но это было бы уже слишком.

Мы прошли через земляничную поляну.

На Холме полукровок, на нижней ветке высокой сосны, висело, поблескивая, Золотое руно. Струйки пара поднимались от головы свернувшегося под деревом стража, дракона Пелея. Стоящая рядом с деревом Афина Парфенос казалась в лучах заката побагровевшей от гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.